

попаванец
попаванец

Дмитрий Дашко
Александр Самойлов

РОТМИСТР
ГОРДЕЕВ

Попаданец (АСТ)

Дмитрий Дашко
Ротмистр Гордеев

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Дашко Д. Н.

Ротмистр Гордеев / Д. Н. Дашко — «Издательство АСТ»,
2023 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-156233-5

Во время схватки с сирийскими террористами старший лейтенант российской армии Алексей Шейнин героически погибает, однако судьба дарует ему ещё один шанс. Теперь он штабс-ротмистр Гордеев, и на дворе 1904 год — война с японцами. Однако, несмотря на привычный ход событий, есть одно «но»: бок о бок с людьми сражаются и очень странные существа.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-156233-5

© Дашко Д. Н., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Дмитрий Николаевич Дашко,
Александр Альбертович Самойлов
Ротмистр Гордеев
*Роман***

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Дмитрий Дашко, 2023
© Александр Самойлов, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Люблю рынки, когда наша мангруппа заходит в местные селения на огонёк. Кругом война, жара, бармалеи со своими засадами, а тут – вечные сказки «Тысячи и одной ночи». Настоящие, не прилизанный Голливуд.

Красота! Живые куры кудахчут, овцы блеют, фрукты и овощи грудями лежат на импровизированных прилавках под навесами из каких-то брезентух или просто простыней, чтобы не изжариться на солнцепёке. Закутанные по самые брови продавцы и покупатели в своих хламидах – и потому, что ислам, и потому, что жара и всепроникающий песок лезет во все щели, чтобы поскрипеть на зубах да позудеть на коже. Они клёкочут между собой на своём гортанном языке – не то ругаются, не то просто торгуются. Легко представить, что так же точно было и тысячу лет назад, и две тысячи, и три... Только без покоцанных японских тачек и мобильников.

Идём тройкой, смотрим. Продавцы в основном тётки или старики. Покупатели – тётки. Мужиков почти не встретишь – бегают друг за другом с автоматами по местным пескам, кто в правительственных войсках, кто у повстанцев.

Повстанцы разные: одни совсем религиозные, другие религиозные, но не очень, а третьим всё равно, лишь бы заплатили. Все воюют со всеми. А мы? Мы – за мир, за законного президента и за Родину. Ну и что, что Родина в тысяче километров отсюда? Раз послали сюда, значит, надо. Мы – люди военные. Тоже бегаем за повстанцами.

– Тащ старший лейтенант, – толкает меня в бок Савельев, – разрешите освежиться купить. В горле уже скрипит от песка.

Оглядываюсь. В нескольких метрах сидит местный пацан, автомат в руки брать ему ещё рано, а торговать – в самый раз. За спиной в тенёчке пара ящиков с банками газировки, бидон с водой, бутылки с подозрительной молочкой. По виду не скажешь, кого доили: козу, корову или верблюда. Ну её на фиг, такую. Нам только отравлений не хватало.

– Газировку возьми на всех, – протягиваю ему пару местных купюр, – должно хватить.

Савельев идёт к пацану торговаться за три банки шипучки. Мы с Кроминым осматриваемся по сторонам.

В закутке между развалинами сидит неподвижно в чёрном бурнусе крепкий ещё, хотя и с сединой в бороде араб-бедуин. Только глаза в сетке крупных морщин не арабские – светлые в синеву. Кинжал на поясе в потёртых ножнах с истёртым золотом вышивки. Перед ним на коврике нехитрый товар...

Э-э, нет, товар как раз хитрый. Монеты – медяшки, серебушки и даже вроде пара золотых с полу-, а то и почти совсем стёртыми надписями и рельефами. Позеленевшие масляные лампы – того и гляди с джином каким внутри. И она – висюлька на кожаном шнурке, восьмиконечная звезда с голубым эмалевым глазом в центре. Такие глаза на Востоке любят держать в доме или на себе от сглаза и порчи. А вот чтобы он был вписан в восьмиконечную арабскую звезду...

Подхожу, наклоняюсь, чтобы получше рассмотреть. Кромин за плечом сечёт сейчас остальной рынок, ему эта старинная дребедень до одного места. Бедуин, увидев, что вещица меня заинтересовала, хитро сверкнул глазами, протянул в руку: смотри, мол. И звезда непростая, это же змей так изогнулся, кусая сам себя за хвост. Уроборос. Золото, серебро? Какой-то непонятный сплав. Вещица лежит в ладони и словно покалывает кожу. И глаз в центре так и притягивает взгляд.

– Бери, господин. Старая вещь, ценная, – на ломаном русском неожиданно говорит араб.

Ничего удивительного, за то время, что мы здесь, многие местные выучили наш язык. Хотя бы вот для таких взаимовыгодных операций.

– Ценная? Да у меня, наверное, и денег нет таких. Сколько просишь?

Араб достаёт из складок своих одеяний мобильный телефон, набирает цифру. Н-да... Ценная вещь и стоит, как крыло от самолёта. Но мы на Востоке или где? Набираю свою цифру – в три раза меньше. Резьба морщин моего визави даже не дрогнула, только голубые глаза сверкнули льдинками. Он набирает новую цену – в полтора раза меньше изначальной. Сбиваю её вдвое.

Подваливает Савельев с шипучкой.

– Чё это? – шепчет Кромину.

– Командир торгуется, – отвечает тот, продолжая сечь периметр.

Пшикают две банки. Подчинённые мои жадно глотают газировку. Что с них возьмёшь, мальчишки ещё, пусть и с автоматами. Нам в Рязанском училище с первого курса вколачивали: не утоляет газировка жажду, ещё сильнее потом пить хочется. Лучше в воду щепотку соли. Пить противно, а жажду снимает на время. Ещё лучше – зелёный чай, но его ещё прочувствовать надо и пить почти горячим.

Савельев протягивает третью банку.

– Держите, тащ старший лейтенант.

– Разделите между собой. Я из фляжки обойдусь.

Пшикнула третья банка. Пока парни по очереди передают друг другу банку, снимаю с пояса фляжку с тепловатой подсоленной водой. Делаю пару глотков и сразу чувствую, что полегчало.

Бедуин протягивает свой телефон с новой цифрой. Уже лучше. Но и я не останавливаю процесс, уменьшаю сумму. Бедуин горестно качает головой, цокает языком, разводит руками – дескать, разорить меня хочешь! Пока всё идёт как по учебнику.

Делаю вид, что теряю интерес к дальнейшей торговле. Хлопаю подчинённых по плечам.

– Пошли, парни.

Шаг, другой, третий прочь от бедуина с его барахлом с раскопок.

– Постойте, господин!

Так и есть, окликнул в спину. Игра продолжается. Торг уместен.

Разворачиваемся, возвращаемся к бедуину. Он показывает новую цифру. Уменьшаю её на треть. Бедуин пытит, прижимает руку к сердцу, мотает головой. Пишет свой вариант. Скидываю ещё немного. Вещица-то реально редкая. Дома смогу загнать её с хорошим барышом. Или оставлю себе на память об очередной командировке. Она у меня далеко не первая.

Наконец согласие с бедуином достигнуто. Бъём по рукам. Достаю деньги, отсчитываю нужную сумму, протягиваю продавцу. Он благодарно кланяется, хитро смотрит своими голубыми гляделками, встаёт и вешает талисман мне на шею. Как раз поверх броника.

– Удачи тебе, отец! – говорю я.

– Храни тебя Аллах! – доносится вслед.

Идём прочь, на ходу заправляю талисман под форму, поближе к телу. Металл приятно холодит кожу, чуть покалывая. Статическое электричество, что ли? Небо на горизонте хмурится. Гроза? Откуда здесь?

Пора двигаться дальше.

Пш-пш... – оживает рация.

– Вомбат вызывает Шею. – Пш-пш... – Шея, приём.

– Здесь Шея. Закончили с рынком. Движемся к вам.

– Шевелите помидорами. Вас одних ждём. В десяти километрах к югу замечена барма-лейская шайтан-арба. Приказано перехватить.

– Приказ принят. Бежим.

Поворачиваюсь к парням:

– Срочный сбор, бойцы.

Трусцой пылим прочь с рынка к тому, что осталось от местной школы. Там нас ждёт под парами бронетранспортёр с командиром нашей мангруппы (это его позывной – Вомбат) и остальными бойцами. Ждать он не любит, так что невольно ускоряем бег.

– Всё нормально? – спрашивает он.

– Без эксцессов, – сообщаю я.

Покидаем мирный кишлак. Бронированный

«Тайфун» рассекает по местным пескам. На борту три человека экипажа и наша семёрка во главе с Вомбатом. Гулко ревет мотор, трясёт немилосердно, но бойцам всё равно, двое уже откровенно кемарят, пользуясь случаем.

Вомбат хлопает по плечу водилу:

– Тормози. Надо выпустить дрон, сориентироваться.

Пока оператор возится с запуском летучего разведчика, две наши тройки – моя и Вомбата – рассыпаются по окрестностям, контролируя периметр вокруг «Тайфуна», чтобы вдруг не прилетело ничего от бармалеев.

С лёгким жужжанием воздушный разведчик уходит в небо. Небо наливается жёлтой хмарью, которая ползёт с юга. Сыпанёт песком хамсин или пронесёт на этот раз? Пустыня словно замерла в ожидании. Только лёгкий свист песчинок по песку...

Пш-пш... Снова рация.

– Глаз вызывает Вомбата.

Пш-пш...

– Вомбат на приёме.

Пш-пш...

– Шайтан-арбу засёк. Полтора километра к юго-востоку. Там какие-то развалины. Рядом кучкуются пяток бармалеев, из них трое в охранении.

– Уводи дрон.

Пш-пш.

– Принято. Вомбат, там наверху задувает сильно, не то что здесь. Это так, к сведению.

– Понял. – Пш-пш. – Шея, приём.

– Шея на приёме.

– Предлагаю уконтрапупить бармалеев. Наверняка же в засаду садятся. Нужны нам засады на этой дороге? Завтра должна идти колонна с гуманитаркой в Алеппо. Плюс средства от холеры.

– Согласен. Есть план?

– Подваливай ко мне. Пошепчемся над тактическим планшетом.

Ползём с Савельевым и Кроминым под прикрытием бархана. Небо уже совсем заволокло желтизной. Ветер и внизу чувствуется. Песок аж подвывает. Главное, успеть всё до начала песчаной бури. За барханом, если верить нашему дрону, бармалеи со своей шайтан-арбой.

Смотрю на часы – до сигнала к атаке минута. Уложились. Мы зашли с юга, где у бармалеев не должно быть охранения, пришлось дать изрядную кривулину по песку. Жестами уточняю бойцам их задачу: пара бросков гранат, а дальше – пали во всё, что движется и не матерится.

Ребята у меня опытные, два раза повторять не нужно. Достали гранаты, изготовились. Пыхнула в жёлтом мареве зелёная ракета со стороны Вомбата. Сорвали кольца, швырнули – бахнуло. Сорвали кольца, швырнули – бахнуло.

За барханом – заполошная стрельба, гортанные крики бармалеев. Рвёмся в атаку, поливая перед собой автоматными очередями. Буря и натиск. За барханом чадит чёрным дымом шайтан-арба – японский пикап с укреплённой в кузове ракетной установкой. Около него два бармалейских трупа. А где остальные?

Неожиданно сбоку ударил пулемёт. Я толкнул зазевавшегося Кромину, а Савельев и сам уже на песке. Лежим. Пули свистят над головой.

«Дружеский огонь? Неучтённые бармалеи? Откуда? Не было же никого...»

Жму тангенту рации. Пш-пш...

– Шея вызывает Вомбата. Приём.

Пш-пш... В наушнике только треск и шипение эфира. Молчит Вомбат. Не понял. Снова жму тангенту. Пш-пш...

– Тайфун, ответьте Шее. Приём.

Шипит и трещит эфир. К северу – стрельба и взрывы гарант.

– Тайфун на приёме. У нас с трёх сторон атакуют бармалеи. Вомбат замолчал сразу после начала атаки.

Со стороны «Тайфуна» вдарила очередь из крупнокалибрушечки. Потом несколько взрывов. Рация замолчала.

Жму тангенту. Пш-пш...

– Тайфун, ответьте Шее. Приём?..

Молчит. Тишина. Стрельба продолжается.

Ещё пара взрывов.

– Тащ старший лейтенант? – Кромин толкает в бок. – Что там?

Изысканно и грубо матерюсь. Общий смысл – походу, хана случилась и Вомбату, и Тайфуну. Напоролись на очень грамотную засаду. Подкинули нашей мангруппе вкусную наживку, а мы её и ам – заглотили по самое не могу.

– И что теперь? – Это уже Савельев.

– Уходить надо. Или героически погибнуть.

– Погибнуть всегда успеем.

Отползаем. На севере ползёт к низкому небу густой чёрный дым. Если это не наш «Тайфун», то что? Жёлтая муть уже не только в небе, она вокруг. Кутаем носы и рты в платки тактической расцветки – те же куфии, что у местных, только цвета другие. Помогает, песок меньше скрипит на зубах.

Не паниковать, главное, не паниковать. Командую: короткими перебежками. Вскикиваем, бежим по песку к югу, забирая к востоку. Сзади бьют автоматные очереди. Савельев спотыкается и падает лицом в песок. Падаем рядом.

– Кромин! Периметр!

Кромин бьёт несколькими короткими очередями в сторону предполагаемых преследователей.

Переворачиваю Савельева на спину. Моя левая ладонь вся в крови. Пуля прилетела ему в шею, аккуратно над верхним срезом броника, почти под каску. Слепой случай.

Что-то большое и круглое вылетает из песчаной круговерти и шлёпается между мной и Кроминим. Граната? Вжимаемся в песок. Жаль, я не муравей, не могу зарыться поглубже.

Взрыва нет. Открываю левый глаз. Правый. На меня смотрит мёртвый Вомбат. Кровь на его отрезанной голове уже успела запечься. Глаза смотрят в вечность. Прощай, капитан Дудин с позывным «Вомбат».

Чёрт! Чёрт! Неужели бармалеи положили всю мангруппу? Если это так – всё, писец котёнку, то есть нам...

Что-то вылетает из заворотов песчаной бури и брякается на песок между нами с Кроминим. Ещё чья-то голова?

Граната!

Не знаю, какие там мышцы сработали, но меня подняло в воздух и отбросило за небольшой песчаный холмик.

И тут бахнуло.

Горсти песка сыплются за шиворот, шуршат по каске, по бронику. Поднимаю голову. Вот и Кромин – всё. Вместо лица кровавая каша, опознать невозможно. Эх, Кромин, Кромин, как же так!

Краем глаза фиксирую несколько тёмных силуэтов, приближающихся к моему укрытию. Вскидываю автомат, жму на спусковой крючок и не отпускаю, пока не выщёлкаваю весь магазин.

Силуэты падают, я почти глохну. Вскакиваю и бегу. За спиной выстрелы. Впереди вырастает какая-то большая тёмная груда – старая развалившаяся каменная кладка. Втискиваюсь в какую-то щель между камнями... И оказываюсь в небольшом, почти круглом помещении, засыпанном горами песка. Свод крыши давно обвалился, но здесь хотя бы не чувствуется ветер, несущий песок.

Убежище или ловушка?

Ловушка!

Сквозь проём лезет бармалей. Ну, сука, сейчас ты у меня попляшешь! Вставляю новый магазин взамен пустого. Палец давит на спусковой крючок. Уже труп вываливается мне под ноги. Из тёмного проёма грохочет, а внутри расцветает огненный цветок огня на дульном срезе противника.

Сильный толчок прямо в грудь, в броник, в то самое место, где под ним – купленный утром на базаре странный талисман.

Не могу дышать. Перед глазами встаёт красная завеса, я медленно сползаю по стене.

Темнота.

Интерлюдия 1

«Уважаемая Галина Сергеевна, с прискорбием сообщаем, что Ваш сын, старший лейтенант ВДВ Алексей Петрович Шейнин погиб в бою, выполняя свой воинский долг в Сирийской Арабской Республике. Командование части ходатайствует о награждении Шейнина А. П. орденом Мужества посмертно. Примите мои искренние соболезнования. Командир в/ч...»

Глава 2

Плыву в плотной, как кисель, воде, она сковывает все движения, сдавливает грудь и не даёт дышать. В ушах шум – бу-бу-бу. На голове с каждой секундой всё сильнее смыкается невидимый обруч, ещё немного – и башка лопнет, как перезревший арбуз. Тело пронзает невыносимая боль, заставляя меня сжиматься и разжиматься, словно пружина. Меня охватывают конвульсии, какая-то гадость вытекает из открытого рта. Лёгкие просто разрываются, начинаю кричать...

– Господин штабс-ротмистр, вы очнулись?

Открываю глаза и вижу перед собой не то призрака, не то ангела в белоснежных одеяниях.

Это что, я уже на том свете?

Потом замечаю красный крест на косынке спрашивавшей. Выходит, на этом, что ли? Только наряд уж больно странный какой-то, я бы даже сказал, старомодный, наши медики давно такие не носят, да и сирийцы тоже. Международный Красный Крест или какие-нибудь «Врачи без границ»?

Только не больно я верю в гуманизм бармалеев. Если передали в руки медикам, значит, есть на меня определённые планы. Выкуп запросят, на обмен пустят или заставят записать ролик, в котором я буду рассказывать, что раскаялся и сожалею о тех непотребствах, которые наша армия творит супротив мирных бармалеев. Думаете, не заставят? Держите карман шире. У этих ребят обширный набор спецсредств, зря их, что ли, полмира снабжает.

– Как вы себя чувствуете, господин штабс-ротмистр?

А говорит барышня в белом на очень хорошем русском. Землячка? Тогда почему называет каким-то штабс-ротмистром, ведь на мне были три старлеевские звёздочки. А звание такое не существует уже больше ста лет. Если не изменяет память, штабс-ротмистр – офицерский чин в кавалерии и у жандармов, равен штабс-капитану в пехоте. Но это не точно, историей я увлекался постольку-поскольку, а военной реконструкцией никогда не интересовался, у меня и так полжизни в сапогах и при погонах прошло.

Видимо, барышня из старых русских, тех, кто сбежал из страны во время революции и Гражданской войны. Отсюда и это старинное – штабс-ротмистр.

Чувствуя на себе вопрошающий взгляд, отвечаю:

– Ещё не разобрался.

– Сейчас я приглашу к вам доктора. Потерпите немного.

Барышня уходит.

Начинаю прикидывать, что делать. Девушка – эмигрантка, то есть я в какой-то иностранной – европейской или американской (хрен редьки не слаще) – миссии. В бескорыстное лечение как-то не верится, значит, надо рвать отсюда когти, и как можно быстрее. Но для этого необходимо понять, в какой я форме.

Голова трещит, это естественно, меня гарантированно контузило во время боя с бармалеями. Руки и ноги шевелятся и полностью послушны, вот только грудь – на ней танк, что ли, разворачивался? Такое ощущение, будто вмяли здоровенным молотом. Неужели разворотили?

Предательская мысль заставляет покрыться холодным потом. Лезу за пазуху, первым делом натякаюсь на бинт, его на меня не пожалели, спеленали, как мумию.

Так, а это что? Пальцы нащупали нечто металлическое и холодное. Я вытащил его на свет.

Медальон! Тот самый медальон, что я купил у старика-бедуина на базаре. Не знаю почему, но я обрадовался ему как родному.

Делаю глубокий вдох и выдох. Я не медик, но всё-таки рёбра целы, это радует. Ушибы мы как-нибудь переживём, на мне вообще всё заживает как на собаке. Невольно вспоминаю Вомбата, бойцов – у них точно не было никаких шансов. Не ужели уцелел только один я?

В палате ещё несколько коек, и они не пустые. Справа лежит сосед, нас разделяет только грубая неокрашенная тумбочка. У соседа густая окладистая борода. Чеченец? Нет, вроде морда лица вполне себе рязанская, то есть типично русская. Глаза соседа закрыты, он спит и видит пятый сон.

Приоткидываю одеяло, дабы посмотреть, что у меня осталось ниже пояса. Упс... Вместо трусов какие-то кальсоны, причём совсем доисторического вида. В таких, наверное, ещё мой дед вое вал. Да и кровать не похожа на медицинскую, скорее грубо сколоченный топчан. Совсем, что ли, у этих «Врачей без границ» с оборудованием плохо? Кстати, не наблюдаю ничего похожего на медицинскую аппаратуру, то есть это либо не реанимация, либо на пациентах экономят. Выжил – хорошо, не выжил – такова селява!

В палате стоит ни с чем не сравнимый запах карболки, он забивает все ноздри. Не выдержав, чихаю.

– Будьте здоровы!

– Спасибо!

Скашиваю взор и вижу перед собой долговязую фигуру. Фигура тоже вся в белом, на носу очки с толстыми линзами, на груди – даже не стетоскоп, а скорее трубка.

Что за хрень? Где такое выкопали?

– Ну что, господин Гордеев, рад, что вы пришли в себя, – говорит врач. (А кто ж ещё это мог быть?)

Порываюсь поправить эскулапа, сказать, что моя фамилия Шейнин, но потом одёргиваю сам себя. Может, ну его. Рано вскрывать все карты. Побуду какое-то время Гордеевым, а там будет видно.

– Я тоже этому рад.

Доктор будто не верит своим глазам, смотрит на меня, как на неведомую зверушку. Неужели считали, что не очухаюсь? А вот хрен вам! Помирать нам рановато! Дел по горло!

– Давайте знакомиться. Я Сергей Иванович Обнорский, главврач госпиталя и по совместительству ваш лечащий врач.

– Очень приятно, Сергей Иванович!

– Взаимно, – любезностью на любезность отвечает эскулап.

Начинается стандартный медицинский осмотр: меня всего выслушивают, простукивают, прощупывают, заставляют открыть рот. Я послушно следую приказам.

– Что ж, голубчик! – удовлетворённо крикает Обнорский. – У меня для вас хорошие новости: вы пошли на поправку. Неделька, максимум полторы, и вас можно выписать из госпиталя.

– Куда выписать? – осторожно спрашиваю я.

Врач мрачнеет.

– Разумеется, в действующую армию. Бить японцев, куда ж ещё?!

Каких, блин, японцев? Мы что, за то время, что я в больничке валяюсь, успели сцепиться со Страной восходящего солнца? Интересно, чего не поделили? Те самые Курильские острова?

– Доктор, – медленно говорю я, – простите за глупый вопрос, но у меня что-то вроде... как его... амнезии, что ли... Не помню почти ничего...

– Бывает, – соглашается врач. – Так что вы хотите узнать?

Вообще, вопросов вагон и маленькая тележка, но я начинаю с главного:

– Война с японцами давно идёт?

– Да как началась девятого февраля тысяча девятьсот четвёртого года, так уже почти полгода идёт, ни конца ни края ей не видно.

Мой мозг взрывается! Какой, твою в душу мать, февраль тысяча девятьсот четвёртого года?! Тогда не то что меня – моего деда, а то и прадеда в проекте ещё не было!

Галюники... Ну, галлюцинации то есть... Только больно уж всё реально выглядит для этой самой галлюцинации...

Доктор неправильно толкует мои эмоции.

– Ничего страшного, – успокаивает он. – Память к вам обязательно вернётся, только надо немного времени. Отдохните немного, придите в себя.

В волнении я сам не заметил, как вытащил из-под одеяла восьмиконечную звезду. Врач заметил её, во взгляде мелькнуло удивление.

– Надо же... А в бумагах ничего не сказано насчёт того, что вы у нас, оказывается, охотник на демонов.

Я снова чуть было не подавился собственной слюной. Демоны... Точно крыша поехала на почве контузии! А лежу я, наверное, в дурке, странно только, что не в смирительной рубашке. Видимо, не буйный, но это пока.

Логично предположить, что и доктор – никакой не доктор, а такой же псих, как и я. Отсюда тысяча девятьсот четвёртый год, война с японцами и демонами. Насколько мне известно, в спор с психами лучше не встречать, нужно со всем соглашаться. Охотник на демонов так охотник на демонов.

– Наверное, в суматохе не разобрались, – подбираю максимально нейтральный вариант я.

– Да уж... Суматохи хватило, – соглашается Обнорский. – После сражения при Ляояне мы буквально зашивались, счёт раненых шёл на тысячи.

– И чем оно закончилось, это сражение?

– Генерал Куропаткин отдал приказ об отходе на главную позицию, – помрачнев, сообщает врач.

Понятно, нашим надрали задницу... Стоп, я что, сам начинаю верить во всю эту чушь?

– Но вы не переживайте, сейчас вы находитесь в глубоком тылу, и вам ничто не грозит, – успокаивает Обнорский. – Кстати, вернётесь в часть – обязательно поставьте штоф водки вашему ординарцу. Он вас на собственном горбу в госпиталь приволок.

– Обязательно, – киваю я, хотя понятия не имею, о каком ординарце идёт речь.

Вижу по выражению лица, что Обнорскому очень хочется о чём-то меня спросить, причём явно не из области медицины. Наконец, эскулап решается:

– Скажите, голубчик, а каково это – с демонами сражаться? Говорят, японцы поднаторели в этом искусстве, порой таких созданий призывают, что его и убить-то нельзя.

– Любого можно убить, – машинально говорю я и тут же смолкаю. Как бы чего лишнего не сболтнуть...

– Понимаю, – кивает собеседник. – Военная тайна?

– Именно, – подтверждаю я.

Закончив со мной, Обнорский переключается на бородатого соседа.

– Ну-с, как ваши дела?

Из разговора я узнаю, что сосед – капитан, командир артиллерийской батареи. Его тоже ранило в битве при Ляояне. Если и капитан псих, то почему именно артиллерист и рубка при Ляояне, а не какой-нибудь Наполеон после Ватерлоо или Бородино? Ну не могут люди трогаться кукухой на одной почве!

Так, на сон это не похоже. Бред сумасшедшего? Если и бред, то слишком детальный и продуманный до мельчайших деталей. В общем, вариант с психическим заболеванием отправляется в мусорную корзину. Будем исходить из того, что такова реальность, а в ней надо как-то обустроиться и жить. Дальше? Дальше будет видно, что к чему.

Обнорский, завершив обход, вышел из палаты.

Сосед-бородач облегчённо вздыхает и поворачивается ко мне:

– Ну что, очухался, Николая?

– Простите, это вы ко мне?

Артиллерист смеётся:

– А к кому ещё? Неужели не помнишь меня, Коля? Мы вместе кутили в Порт-Артуре в заведении мадемуазель Коко! Ты тогда увёл у меня из-под носа красивую кореяночку. Дело чуть до дуэли не дошло. Но потом мы помирились и даже выпили на брудершафт, – продолжает улыбаться капитан.

– Амнезия, – вздыхаю я. – Даже имени своего не помню.

Взгляд артиллериста становится серьёзным.

– Крепко ж тебя приложило, братец! Ну да ничего, наш Обнорский даже безнадёжных на ноги ставит, а уж ты наверняка скоро снова вернёшься в бой и будешь лупцевать япошек.

– Да вроде они и сами не прочь дать нам сдачи, – говорю я, вспоминая школьные уроки истории.

– Это да. Самураи тоже не лыком шиты, и шапками их не закидаешь. Ничего, русский солдат всё равно победит! – патетически провозглашает капитан.

Огорчать его не хочется. Если я действительно оказался в прошлом (правда, если вспомнить демонов, то в каком-то уж больно альтернативном прошлом), война с Японией окончится позорным миром. Хотя считается, что повоюй наши ещё немного, и экономика Страны восходящего солнца уже бы не выдержала и рассыпалась, а вместе с ней посыпался бы и фронт. Однако слов из песни не выкинешь.

– Слушай, – прошу я, – Расскажи, пожалуйста, что ты обо мне знаешь... Может, так мне легче будет вспомнить, что и как.

– Эх, Николая, я бы с радостью тебе помог, но мы тогда оба с тобой так набрались, что вспоминать-то нечего... – огорчает сосед по палате.

Ну вот, а я-то надеялся, что, может, он меня просветит.

– Тогда Расскажи хоть, как дела на фронте обстоят?

– Дела как сажа бела, – признаётся капитан. – Ломят нас япошки. Берут не умением, а числом! По своим же трупам лезут, и только вперёд. Ты бы знал, сколько их одна моя батарея накосила, а что толку?! Всё равно пришлось отступить... – Чувствуется, что я задел больное место. – Ничего! Военная фортуна переменчива. Будет и на нашей стороне виктория! – коротко бросает он. – Кстати, Николая, у тебя как, закурить найдётся?

– Не знаю, – пожимаю плечами я. – А тебе можно?

– Мне теперь всё можно, даже если нельзя! – туманно отвечает он.

– Сейчас посмотрю, – говорю я и, приподнявшись на локтях, начинаю рыться в тумбочке.

Первым же делом натыкаюсь на серебряный портсигар с вензелем в виде двуглавого орла на крышке. Открываю – он битком набит папиросами с неизвестными названиями. Прежде никогда не курил, да и сейчас при виде табачных изделий курить не тянет. Уже хорошо, но вдруг возникнет соблазн? Надо избавляться от этой заразы раз и навсегда.

Недрогнувшей рукой отдаю портсигар соседу:

– Дарю!

– Благодарю, Николая! – расплывается в улыбке он.

– Слушай, а как тебя зовут-то?

– Мишель.

– Миша, значит.

Продолжаю рыться в тумбочке. Что тут у нас? Пачка писем, бережно перехваченных тесёмкой. Надо будет почитать, в них может находиться полезная для меня информация. Документов, увы, нет. Они наверняка на хранении у главврача, как и моя медкарта. Тоже не мешало бы на неё взглянуть, но чуток позже. Кошелёк. Открываю – ну, не богатства пещеры Аладдина: несколько бумажных купюр и какая-то мелочь. Хрен знает, что на эту сумму можно купить.

Может, полцарства, а может, на проезд в трамвае не хватит. Ещё какая-то бытовая ерунда, в моей ситуации бесполезная.

Покончив с поисками, ложусь на спину и закрываю глаза. Меня никто не беспокоит, и можно спокойно подремать. Сам не замечаю, как проваливаюсь в глубокий сон.

Вечером, после ужина, за разговором выведываю, где у нас кабинет главврача. Оказывается, в этом же здании. Сам госпиталь одноэтажный. Уже хорошо, не придётся корчить из себя альпиниста.

Часа в два ночи, по моим прикидкам, я приподнялся с кровати и на цыпочках подошёл к дверям, приоткрыл их, высунул голову и осмотрелся. Неподдалёку находился медпост. Дежурная медсестричка спала, уронив голову на руки. Умаялась, видать, бедолага.

Тихо, чтобы не разбудить женщину, я подкрался к кабинету главврача. Та-дам! И сразу первое препятствие – дверь оказалась заперта. Жаль, я не вор-медвежатник, способный вскрыть любой замок ногтем мизинца. К счастью, преграда оказалась так себе, мне удалось отжать язычок замка и отпереть дверь. Видимо, меньше всего здесь опасались чьих-то неожиданных визитов.

Так же тихо проскользнул в кабинет. Для подстраховки снова отжал замок и заперся. Теперь ни одна собака не догадается, что внутри кто-то есть. Что будет со мной, если тут застучат, думать не хотелось. В расход, конечно, не пустят, но проблем не оберёшься.

Занавески были отдернуты, в окошко глядела тусклая луна. Её света было недостаточно для моих поисков, и я включил настольную лампу. Вот и полка с медкартами пациентов. Найдя на обложке свою фамилию (то есть Николая Гордеева), взял медкарту, положил на стол и углубился в чтение. Больше всего меня интересовали титульный лист и информация о том, как я (ну, или тот, в чьём теле я вдруг оказался) угодил в госпиталь.

Удалось выяснить, что мне двадцать пять годков от роду, служу я во второй отдельной кавалерийской бригаде (не жандарм то есть) на должности командира взвода разведки драгунского полка. Был ранен в столкновении с японской конницей. Под Гордеевым (то есть мной) убили лошадь, при падении я потерял сознание от сильного удара и был спасён своим ординарцем, нижним чином Кузьмой Скоробутом, коему, со слов главврача, должен проставиться штофом горячительной жидкости. Не проблема, хоть два штофа!

Тут я услышал чьи-то мерные шаги – кто-то грузно шёл по коридору. Он остановился напротив кабинета главврача и, вставив ключ, начал поворачивать, чтобы открыть дверь.

Глава 3

Я лихорадочно закрутил головой. Есть! Врачебная кушетка для осмотра пациентов, а с неё до полу свисает белая простыня. Успел в последний момент, ноги пришлось подтянуть, чтобы не торчали – коротковата кушетка под мой рост.

Дверь открылась, шаги замерли в середине кабинета. Я задержал дыхание, прикинулся ветошью, стараясь не отвечивать ничем. Послышался стук ведра, поставленного на пол. Плескание воды в ведре.

Как сладко с тобою мне быть
И молча душой погружаться
В лазурные очи твои.

Зашаркала по полу половая тряпка на швабре. Слава богу, не японский шпион, не наша контрразведка – простая ночная приборка. А неплохой у приборщика-санитара баритон. Фальшивит, правда, малость.

Всю пылкость, все страсти души
Так сильно они выражают,
Как слово не выразит их.
И сердце трепещет невольно
При виде тебя!

Мокрая тряпка въехала под кушетку и ткнулась мне прямо в лицо. Чудом сдержался, не чихнул. Тряпка ещё поелозила под кушеткой и исчезла. Счастье, что санитар не дотумкал заглянуть под простынь. Вот бы удивился. Пришлось бы что-то врать. Фантазия у меня, конечно, есть, но придумать нечто правдоподобное... Это вряд ли.

Шаги удалились, хлопнула дверь. Повернулся в замке ключ. Выждав немного, я выбрался из-под кушетки. Приник ухом к двери, прислушался – тишина. Легонько дёрнул дверь. Как и думал, заперта.

Только собрался заново отжать язычок замка, как услышал непонятную возню. Что там творится, даже выяснять не хочется. Через дверь в коридор пока не попасть. Ничего, есть ещё окно. Подцепил шпингалет, потянул наверх. Не идёт. А нет, идёт, но с трудом. Дёрг, дёрг. По миллиметру, но идёт. Есть! Шпингалет выскочил из гнезда.

Осторожно, придерживая створку окна рукой, чтобы не скрипнуть лишний раз, приоткрываю её, выглядываю наружу. Отлично. Темнота – друг молодёжи. Первый этаж, под ногами мягкая земля. Никакого риска. Теперь прикрыть окно обратно поплотнее. Авось никто не заметит, а и заметит, не обратит внимания, что его открывали.

Сворачиваю за угол, спокойно иду вдоль госпитальной стены. И тут из-за угла прямо на меня выныривает тёмная фигура. Тёмно-коричневый халат, руки с чётками молитвенно сложены на груди, бритый череп с удлинёнными мочками ушей, на ногах – плетённые из лыка сандалии. Шея какая-то странная – слишком длинная. Из-под круглой плетёной соломенной шляпы огненным блеском сверкнули глаза.

Да он растёт, что ли? И шея удлиняется, вытягивается... Чертовщина какая-то! Фигура монаха увеличивалась на глазах, шея удлинялась, словно змеиная. В приоткрытом рту ощерились острые, как иглы, зубы.

В груди кольнуло. Амулет?

Словно неведомая, но благожелательная ко мне сила подтолкнула взглянуть странному монаху глаза в глаза и с таким выражением, как сверху вниз, будто не монах выше меня уже в два раза, а я его. Фигура противника вроде даже перестала расти, скорее наоборот – съёжилась, сравнившись со мной ростом.

Стараюсь не отводить взгляда от его глаз. Лето, тепло, а по спине ползут капли ледяного пота. Амулет уже не колет, а бьёт током, жжётся.

Не отводи глаз, только не отводи...

В этот момент в госпитале страшно закричали. Истерический женский крик. И сразу тишина испарилась вследствие беготни и заполошных криков.

Монах щёлкнул от досады своими зубами-иглами, развернулся и бегом припустил прочь. Делаю за ним по инерции пару шагов и тут же себя останавливаю. Ну и куда собрался, дурень? Ночь, местность незнакомая, а я в кальсонах и нательной рубашке, да куцый больничный халатец поверх.

Тем более тревога в госпитале не унималась. У моей палаты народ и толпился. Из палаты двое санитаров выносят сомлевшую сестричку. Она, поди, и кричала, разбудив всю округу.

Проталкиваюсь к двери.

– Позвольте, господа... Раз-решите!..

Глянул – и чудом удержал в себе содержимое желудка. Миша, Мишель, артиллерист, которого я лишил удовольствия трахнуть какую-то коряночку в порт-артурском заведении мадам... а, нет, мадмуазель Коко, лежит навзничь на своей койке. Горло вырвано – одна сплошная кровавая дыра. И сам весь залит собственной кровью, и всё вокруг – койка, пол...

Кто же его так?

Поневоле подумаешь: «На его месте должен был быть я...» В горле моментально пересохло и засадило, словно шершавым наждаком провели.

– Ротмистр! – раздаётся со спины. – Господин Гордеев.

Поскольку других Гордеевых тут нет, оборачиваюсь. Незнакомый офицер, на погонах три звёздочки. Лет сорока пяти. Тёмные, чуть седоватые на висках волосы.

– Так точно, – отвечаю нейтрально. – С кем имею?..

– Подполковник Николов, – отвечает он. – Управление второго генерал-квартирмейстера Главного штаба.

Это ещё что за чёрт? Тыловик, что ли? И чего ему от меня надо?

– Господин Обнорский временно уступил нам свой кабинет, – продолжает подполковник с тремя звёздочками. – Прошу пройти со мной.

– Ну, раз так, то не могу отказать... Тем более старшему по чину, – развожу я руками.

Что же ему надо от меня? Ой, засыплюсь... Удастся ли списать на амнезию? Ладно, всё равно выбора нет. Придерживаюсь выбранной линии поведения, а там – куда кривая вывезет.

Ключ в пальцах Николова делает пару оборотов в замке кабинета, покинутого мною так недавно. Заходим. Николов закрывает дверь – к счастью, не на ключ, – жестом предлагает присесть к столу. Я не гордый, предлагают – присяду. Сам Николов устраивается по-хозяйски на месте Обнорского. Щёлкает портсигаром, протягивает мне.

– Благодарю, ваше...

Заминаюсь. Бес его знает, как к нему тут обращаться: превосходительство, благородие, светлость?

– Мы тут без чинов, так что можно запросто – Сергей Красенович.

– Запросто так запросто.

Папиросу не беру, жду, что будет дальше. Чувствую себя Штирлицем в кабинете Мюллера. Попал ты, Лёха, не по-детски.

– Простите любопытство, у вас такое необычное отчество, господин подполковник.

Почти чёрные глаза воткнулись в меня, словно те буравчики. Измеряют, взвешивают.

– Я болгарин. Семья отца уехала в Россию ещё до семьдесят восьмого года.

Киваю – дескать, понял теперь, не дурак. И тут как молнией в мозг сверкнуло – это ж не интендант. Контрразведка, особист. «Молчи-молчи» на армейском жаргоне. Аж в животе селезёнка с испугу ёкнула.

– Николай Михалыч, – продолжает русскоподданный болгарин совершенно нейтральным тоном, – а как случилось, что ночью вас не оказалось в палате вместе с несчастным соседом вашим?

– Выходил покурить, господин подполковник, – вру я и не краснею.

Николов посмотрел на меня своими зыркалками. Понимающе кивнул. Скосил глаза на нетронутые мною папироски в портсигаре. А, чёрт! Почти спалился. Беру папироску, чиркаю спичками. Душистый табачок у подполковника, а в горле всё одно першит. С огромным трудом сдерживаюсь, чтобы не закашляться.

– Видели что-то необычное?

Ну а тут-то чего врать?

– Видел, Сергей Красенович. – Откладываю папиросу на край пепельницы. – Буддийского монаха. В этой их хламиде и шляпе. Необычный монах: словно вырос в два раза, а потом уменьшился, и шея какая-то странная – как туловище змеиное, с удава толщиной. И зубы... острые, и слишком много их во рту.

Наблюдаю, какое впечатление произвели мои слова на Николова. Похоже, ему мой ответ не по душе.

– И куда делся монах? – напряжённо спрашивает он.

– Да я посмотрел на него как бы сверху вниз, он обратно уменьшился и рванул подальше, а тут как раз в госпитале шум поднялся. Может, у меня галлюцинации после ранения и амнезии?

Николов усмехается в усы.

– Нет, ротмистр, не галлюцинация. Вы вообще очень везучий человек, Николай Михайлович. Это и был убийца капитана Горбатова. Не посмотри вы ему в глаза, он бы и вас... своими зубками порвал.

– Монах?

– Да какой он монах? Обычный демон – микоши-нюдо.

– Демон? И как он тут оказался?

– Так же, как и все мы, и наши противники – по приказу своих императоров. Война-с.

– Демон?

– А что удивительного? Они такие же подданные своих монархов, как и обычные люди.

И патриотизм им не чужд.

Николов неожиданно протянул руку к моей груди и извлёк наружу мой восьмиконечный амулет. Так и впился в него глазами.

– Впрочем, странно, что вы меня об этом спрашиваете. Вы, как охотник на демонов, лучше меня должны это знать.

И что мне ему сказать? Что я вообще не Гордеев и не из этого времени? Да что там, даже не из этого мира, раз уж тут демоны всю воюют в составе армейских подразделений.

– У меня, господин подполковник, амнезия. Не верите, поинтересуйтесь у господина Обнорского. А амулет этот я на Ближнем Востоке сторговал у местного бедуина.

Говорить правду легко и приятно. Говорите всегда правду. Но не всю.

Тишком про себя перевожу дух.

– Николай Михалыч, вы сказали, что вышли ночью покурить...

Киваю:

– Ну да...

– Потрудитесь объяснить тогда: отчего же в начале нашего разговора от вас вовсе никаким табаком не пахло?

Песец, он, если вы не знаете, вот такой. Большая белая полярная лисонька пришла по мою душу.

– Э-э... так, Сергей Красенович, выйти-то я вышел, только покурить не успел. Звёзды, ночь фантастическая. А потом демон этот, и не до того.

Николов снова впился в меня своими глазищами. Кивнул на пепельницу, где почти погасла моя папироска.

– Так докуривайте, ротмистр.

И ждёт, зараза, что делать буду.

Тянусь к папиросе.

В этот момент за спиной бухает входная дверь.

– Вашвысокобродь! Есть тут местная кумирня. Мог там укрыться. Больше негде.

Оборачиваюсь вместе с Николовым на вошедшего. Казак (опознал не по погонам и околышу фуражки, а по торчащему из-под козырька буйному чубу) лет двадцати пяти.

– Как далеко? – Голос Николова сух и решителен.

– Минут десять верхами.

Глава 4

Николов резко поднимается. Я машинально подсказываю вслед за ним. Вот что значит армейская выучка – субординация аж в корку головного мозга зашита, действую на одних рефлексах.

Особист смотрит на меня, причём так, что под его взором я начинаю чувствовать себя не в своей тарелке. Видимо, их этому обучают.

– Господин штабс-ротмистр, – говорит он теперь уже официально, – я не имею права приказывать вам, поскольку вы раненый и не проходите по моему ведомству, но...

– Не утруждайте себя, ваше высокоблагородие (слава богу, теперь я знаю, как его титуловать!), – само собой вырывается из меня. – Можете всецело на меня рассчитывать.

Этот демон убил моего соседа по палате, второй жертвой был бы я. Надо обязательно найти гада и отомстить. Не в моих правилах давать врагу пощады и праздновать труса.

– Рад это слышать, – облегчённо вздыхает особист. – Признаюсь, людей у меня под рукой – раз-два и обчёлся.

– Сколько нас всего?

Я твёрд как никогда в этом «нас». Неважно, что мир другой и это другая Россия. Русский солдат при любых обстоятельствах остаётся верен Родине и присяге. Я бил врага страны в Сирии, буду делать это и здесь.

– Со мной мой водитель, вольноопределяющийся Кузьмин, да два казака конвоя, братья Лукашины, – поясняет особист.

– Нижний чин третьей сотни девятнадцатого Донского казачьего полка Тимофей Лукашин-старший, – вытягивается в струнку станичник.

– Лукашин-младший ждёт возле моего автомобиля, – добавляет Николов.

– У нас есть ещё немного времени? Может, среди выздоравливающих найдутся добровольцы? – с надеждой спрашиваю я.

– Смейтесь, ротмистр? Простого бойца на демона с собой не возмёшь. Тут нужен человек со способностями, – немного непонятно говорит особист.

К моему удивлению, такой специалист находится среди легкораненых. Это матрос Жалдырин. Каким ветром сюда занесло моремана, выяснять некогда, как и некогда разбираться, почему именно его выбрал Николов. Видимо, Жалдырин умеет что-то такое, что может пригодиться в нашей охоте.

Выдернутая из постели заспанная кастаньяна выдаёт нам одежду, не в больничных же халатах отправляться на войнушку с демоном. Выясняется, что мой мундир забрал ординарец, чтобы заштопать, постирать и привести в порядок. В итоге мне выдают чужой китель белого цвета, чужие синие галифе с лампасами, сапоги, портянки, ремень и фуражку.

– А вот это ваше, – протягивает мне кастаньяна какую-то саблюку с перевязью.

Блин, я в последний раз шашкой махал ещё в детстве. Не удержавшись, обнажаю клинок. Лезвие выглядит странным, будто отливает серебром. И при этом выглядит опасным – аж мороз по коже.

– Знатная шашка, вашбродь, заговорённая! – одобрительно хмыкает Тимофей.

– Откуда знаешь?

– Да как мне не знать?! – обижается тот. – Я ж характерник.

– Вот даже как, – хмыкаю я. – Твой брат что, тоже характерник?

– Никак нет, Фёдор у нас оборотень. В медведя перевоплощается, – с гордостью за брата отвечает казак.

Ох, мама дорогая, куда ж я попал... Надеюсь, этот оборотень не грызёт всех, кто попадает под руку.

Видя смятение на моём лице, казак смеётся:

– Не волнуйтесь, вашбродь, Федя в любом обличье остаётся казаком!

– Ну-ну... – неопределённо протягиваю я.

Наскоро переодеваюсь, заодно получаю первую возможность посмотреть на нового себя в зеркале. М-да... Кожа да кости. Лишь маленький намёк на мускулатуру – кажется, ротмистр Гордеев не очень увлекался спортом. Очень худое лицо с ввалившимися щеками, большими глазами и тонкими усиками. Нет, некоторым романтическим барышням такой байроновский типаж мужчин нравится, но я бы предпочёл держать себя в хорошей физической форме и быть таким, как прежде – кровь с молоком.

Вместе с Николовым выходим из госпиталя. Там ждёт агрегат, лишь в общих чертах напоминающий автомобиль. За рулём водила. На нём, как полагается, чёрная кожаная куртка, кожаный шлем и кожаные же краги. Глаза прячутся за огромными очками-консервами. Общую цветовую гамму портит неуставной светлый шарфик, обмотанный несколько раз вокруг шеи.

Брат-близнец Тимофея Лукашина сидит верхом на лошади, за его спину перекинута винтовка, в левой руке – поводья от другого коня. Странно, что коняги от нашего оборотня не шарахаются. Или Тимофей пошутил? Хотя вряд ли, не до шуток сейчас.

При виде машины я мысленно крещусь. Наездник из меня так себе, а надежды на память нового тела мало. Пока что оно не спешило приходить мне на помощь.

Прежде чем сесть в авто, Николов открывает бардачок, достаёт из него револьвер и подаёт мне, рукояткой вперёд.

– Все пули серебряные, ротмистр, – поясняет особист. – Постарайтесь впустую не тратить. Вы бы знали, как трудно выбивать их у интендантов!

Я киваю. Мне это хорошо знакомо по той жизни.

Особист пристраивается рядом с водителем, я сажусь сзади.

К моему огромному удивлению, авто заводится и даже едет. Катим по дороге с сумасшедшей скоростью двадцать километров в час. По бокам скачут наши казачки. И я понимаю, почему не сзади: за машиной тянется огромный шлейф пыли и дыма – чадит наш чудо-агрегат не по-детски.

Внезапно Николов поворачивается ко мне:

– Простите мне моё любопытство, господин ротмистр, но не было ли в вашем роду далматинцев, венгров или, на худой конец, румын или осетин?

Недоумённо пожимаю плечами:

– Да вроде господь миловал, чистокровный русак. – Сам не знаю, откуда берётся во мне эта уверенность.

– Странно, – задумчиво тянет особист.

– А что тут странного?

– Ваша профессия, ротмистр. Вы – охотник за нечистью. У итальянцев это бенанданти, у далматинцев – крестники, у венгров – талтос, у румын – калушари, у осетин – буркудзаута.

– Ну... видимо, как-то само собой проявилось, – не зная, что и ответить, произношу я. – Всякое в жизни возможно...

Николов качает головой, но, к счастью, тему не развивает.

– Тут остановитесь, вашскородь, – просит характерник. – До монастыря уже рукой подать. Теперь надо тишком добираться.

Особист подаёт знак шофёру, тот послушно тормозит и заглушает двигатель. К моему удивлению, водитель не остаётся с авто, а идёт вместе с нами к монастырю.

Видя мой невысказанный вопрос, Николов поясняет:

– Как понимаете, у меня вся команда непростая. Вольноопределяющийся Кузьмин – вампир.

Я ошарашенно смотрю на шофёра. Тот поднимает очки, закрывавшие половину лица, и теперь я вижу его неестественную бледность. Когда Кузьмин приподнимает верхнюю губу, обнажаются два острых клыка.

Весёлая компания подобралась у меня сегодня. Кого только в ней нет, даже вервольф с вурдалаком затесались. И главное, все на службе в российской армии! Не зря нас, выходит, орками называют!

Как и полагается, монастырь находится на пригорке, со всех сторон его окружает высокая каменная стена. Не крепость, но и с наскоку не возьмёшь, да ещё и нашими малыми силами. К тому же монастырь не производит впечатление опустевшего. Несмотря на поздний час, в нём кипит жизнь. Доносятся отголоски чьих-то разговоров, стук и бряцанье каких-то предметов.

– Мы как, нахрапом пойдём на штурм? – интересуюсь я.

– А у вас есть какие-то предложения? – интересуется Николов.

– Парочка имеется. Думаю, сразу всем переть буром не стоит.

Особист слегка обалдело смотрит на меня, и я понимаю, что мой «французский» немного неуместен. Но слово не воробей, продолжаю излагать план:

– Разделимся на две части. Одна пойдёт впереди, другая сзади. Заодно подстрахуемся, если демон попытается удрать.

Николов быстро соглашается. Как старший по званию, он же и разделяет наш отряд. Вместе с вампиром и оборотнем они заходят с тыла, а мы с матросом и характерником идём в лоб.

Колючки-путанки на стене нет, но так просто не перелезешь – высоко. Применяем знакому нам с характерником хитрость: они с морячком подкидывают меня вверх, я цепляюсь за край стены, подтягиваюсь, оказываюсь на гребне и, протянув руки, начинаю поднимать их по очереди.

Спускаемся уже не в пример легче. И почти сразу натываемся не то на часового, не то на вышедшего подышать свежим воздухом монаха. У него глаза становятся большими, как чайные блюдца, и, пока он не успел набрать полные лёгкие воздуха, чтобы призвать на помощь, подлетаю к нему, сбиваю подсечкой и резким ударом по скуластой физиономии отправляю в царство снов. Всё это происходит молниеносно.

– Ловко вы его, вашбродь, – довольно крикает казак. – Поучите при случае?

Я не успеваю ответить, как где-то спереди бухает гром, а небо озаряется яркой вспышкой.

– Граната? – спохватываюсь я.

– Никак нет, – отвечает характерник. – То наш господин подполковник в схватку вступил.

Всплеск магической энергии.

Я слегка охреневаю от происходящего.

Слышится чей-то душераздирающий крик, несколько раз бахает, как из пушки, на долю секунды становится светло как днём. И тут кирпичная кладка строения напротив рушится, будто картонная, а в проём протискивается фигура давешнего монаха-убийцы. В руках у него бумажный фонарь на бамбуковом шесте и копьё-посох. Он сразу замечает нас и вскидывает копьё.

– Стреляйте! – кричит характерник. – Не дайте ему метнуть посох!

Револьвер сам прыгает мне в руки. Не надо целиться, я действую на автомате. Нажимаю на спусковой крючок, чувствую лёгкую отдачу. Ствол изрыгает сноп пламени.

Я знаю, что попал – с такого расстояния просто невозможно промахнуться, – однако монаху всё нипочём. На его лице появляется хищная усмешка. Стреляю второй раз, потом третий, рядом палит из карабина Лукашин-старший, но всё без толку. Серебряные пули демона не берут. Он снова поднимает копьё.

И тут проявляется особенный дар моремана. Он что-то произносит, топает ногой – и сразу же из этого места начинает бить ручей. Вода окружает демона. Тот перестаёт ухмыляться, теперь на его лице растерянность.

– Эта тварь боится проточной воды! – довольно потирает ладоши Жалдырин.

Бух!

Неподалёку осыпается каменная кладка, пыль ещё не успевает осесть, как сквозь дыру не выходят – вылетают Николов со спутниками. Особист что-то кричит демону на японском.

– «Ты проиграл. Я предвидел твою хитрость», – приходит мне на помощь характерник, оказавшийся ещё и полиглотом.

Тут происходит нечто, заставившее меня открыть рот от изумления. Демон испаряется, оставляя бумажный фонарь на бамбуковом шесте и копьё.

– Обалдеть! – произношу я и тянусь к трофеям.

– Нет! – в один голос кричат Николов и характерник, но уже поздно: я коснулся одного из предметов.

– Ну, вашбродь, держись! – недовольно качает головой Лукашин-старший. – Сейчас начнётся!

Некогда уточнять, что именно, на это уже не остаётся времени. Начинает твориться нечто невообразимое. Фонарь на бамбуковом шесте охватывает рыжее пламя, а когда оно гаснет, я вижу пред собой существо, чем-то смахивающее на огненного цвета лисицу.

– Дзинко! – бормочет Тимофей. – Лиса-оборотень.

Копьё обращается во что-то неопишное – на наших глазах появляется монстр в виде гигантского паука-быка-тигра с лицом человека.

– Цитигумо! – ахает Тимофей, очевидно, хорошо знающий местный бестиарий.

Я скидываю револьвер, целясь в дзинко, но меня останавливает Лукашин-младший:

– Погодите, вашбродь. Дозвольте мне с этой рыжей бестией потягаться! – весело кричит он.

Дотоле трансформацию оборотня мне приходилось видеть только в голливудских фильмах, но одно дело, когда смотришь кино, и совсем другое – когда это происходит у тебя на виду в реальной жизни. Сначала тело Фёдора вытянулось, запузырилось мускулами, в ключья разрывая одежду, лицо исказилось, нос подался вперёд, всё тело мгновенно заросло шерстью, вместо рук образовались лапы с огромными когтями. Оборотень опустил на четвереньки, поднял морду и, раскрыв пасть, бросился на дзинко.

И тут же резкий толчок сваливает меня с ног – это Тимофей успевает оттолкнуть меня от разошедшегося не на шутку цитигумо. Выясняется, что и этой твари плевать на пули из серебра. Они отскакивают от него, как горох от стенки.

Что-то обжигает мой бок. Я опускаю взгляд и понимаю, что это ножны от клинка, который чуть ли не раскалился. Обнажаю шашку и вижу, как на ней проступает загадочный узор. Готов поклясться чем угодно, прежде его на лезвии не было.

Ни Николов, ни морячок-кудесник, ни казак-характерник с вампиром ничего не могут поделать с разъярённым цитигумо.

– Умри, сволочь! – кричу я и с шашкой наперевес кидаюсь на монстра.

Тот раздражённо отмахивается лапой, клинок касается её и, к моему огромному удивлению, сносит твари конечность.

– Убейте гада! – кричит Николов.

Ободрённый, я набрасываюсь на страшное порождение магии с утроенной силой. Каждый мой удар причиняет чудовищу боль, хлещет кровь, ещё немного – и она покрывает меня с ног до головы. Чем больше ран я наношу твари, тем слабее и неповоротливее она становится. Наконец мне удаётся подрубить ей последние лапы, свалить на землю. Взметнув клинок, обрушиваю его на шею цитигумо, чтобы отделить башку от туловища. Мне это удаётся, правда, не с первого удара. Чувствую себя мясником.

Тварь издыхает, я облегчённо вытираю пот, размазав по лицу чужую кровь, и убираю клинок в ножны. Неподалёку валится дзинко, его горло разорвано, из него хлещет бурая жижа.

Оборотень-медведь встаёт на дыбы, начинает бить себя по груди и издаёт трубный крик. А потом... Потом перед нами появляется прежний казак Лукашин, правда, из одежды на нём практически ничего нет, кроме лоскутков ткани.

– Никакой формы на тебя не напасёшься, – бурчит Николов, но я-то вижу, что это напускное. На самом деле особист доволен. – Иди, открой багажник, там есть ещё один комплект, – добавляет он. – Последний...

На этом приключения в монастыре не заканчиваются. Характерник приводит откуда-то маленького человечка. Он кажется рахитичным ребёнком, весь щуплый и тонкий, однако у него лицо древнего старика.

– Вот, помощника демона сыскал, – говорит Лукашин-старший. – Здесь будем допрашивать или...

– Здесь, – прерывает Николов.

Японца сажают на колени. Особист останавливается напротив и начинает спрашивать. Сначала слуга демона молчит, однако пара затрещин Лукашина-оборотня приводят его в чувство, и японец говорит. Что именно он сказал, не знаю, допрос вёлся на японском языке. Похоже, информация была важной: Николов несколько раз удовлетворённо качнул головой.

– Всё, больше он не знает, – наконец сказал особист. – Кузьмин, он твой.

Вампир довольно ослабил.

– Пойдёмте к машине, – предложил мне Николов. – Кузьмин голодный уже несколько дней. Поверьте, это зрелище не из привлекательных.

Глава 5

Остаток ночи я спал как убитый. Хотя на войне это плохое сравнение. В общем, дрых без сновидений и без задних ног.

Утром после завтрака – крепкий чай с пилёным сахаром, отличный белый хлеб из госпитальной пекарни и тушёное мясо с гречневой кашей, – Обнорский пригласил в свой кабинет. Снова стандартный медицинский осмотр с упором на рефлексy, ибо задействовал любезный Сергей Иванович в основном инструментарий для их проверки. И по коленке молоточком побил, и перед зрачками его туда-сюда поводил, и по коже в разных щекотных местах поцарапал.

– Что ж, батенька, рефлексy ваши в полном порядке. А память... Голова – предмет тёмный и всё ещё до конца не изученный. Но в вашем случае ретроградная амнезия, скорее всего, связана с падением с лошади, что и привело вас на госпитальную койку.

Обнорский задумчиво теревит очки, нервически почёсывает переносицу. Жду, внимательно смотрю на него в ожидании, что скажет эскулап.

– Можем попробовать лечение регрессивным гипнозом. Ввести вас, господин ротмистр, в состояние гипнотического сна и отправить вас в ваше прошлое, словно на машине времени господина Уэллса.

Они тут что, машину времени изобрели? А! Это же роман какого-то древнего фантаста. Американец, англичанин?.. Не спеши, Лёха-Николя рот раскрывать. Слушай да на ус мотай.

– А поможет?

Я-то своё прошлое помню отлично, вот только это не прошлое моего реципиента штабс-ротмистра Гордеева.

Обнорский неопределённо хмыкает.

– Как повезёт... Но рекомендую возвращение в компанию сослуживцев, к обязанностям службы. А свежего воздуха и физических упражнений на передовой хоть отбавляй.

– Неужели выписываете?

– В остальном, Николай Михалыч, вы совершенно здоровый человек. А события минувшей ночи показали, что на ваше воинское искусство амнезия никак не повлияла.

Это он про бой с демонами, что ли?

– Благодарю за лечение.

– Это наш долг. Пару часов поскучайте, пока мы оформим все необходимые бумаги. Да и ординарец ваш вскоре должен прибыть, чтобы сопроводить вас в часть.

– Сергей Иванович, а нет ли в госпитале каких газетных подшивок? Может, при чтении что в голове и всплывёт из памяти.

– Должны быть в столовой. «Русское слово», «Харбинский вестник», «Биржевые ведомости», «Русский инвалид».

Отлично. Употребим время с пользой.

Употребил. Во-первых, продираться сквозь дореволюционный алфавит с его «ижицами», «ятями» и «фитами» – то ещё удовольствие. Во вторых, я всё-таки старлей-десантник, а не штабной аналитик, чтобы из разрозненных газетных статей всё на сто процентов понять про этот «дивный новый мир». Но кое-что уяснил.

Здесь демоны существуют повсеместно: баньши и банники, овиинники и привидения, русалки и кикиморы, лембои и упыри – в каждой стране свои.оборотня, вампира, водяного и трёх японских демонов я видел собственными глазами. Вся эта нечисть и нежить составляет около четверти имеющегося населения здешнего мира. И активно принимает участие в его делах.

При этом история если и отличается от истории нашего мира, то в каких-то мелочах. А значит, впереди унижительное поражение от японцев в этой войне. Первая русская револю-

ция, Первая мировая война, вторая и третья революции не заставят себя ждать. И я, двадцатипятилетний штабс-ротмистр, если уцелею в этой бойне, встречу их в самом расцвете сил. В тысяча девятьсот четырнадцатом году мне будет всего тридцать пять. Кризис среднего возраста, млять...

Или получится что-то изменить в истории? Попаданец я или кто?

– Вашбродь! Господин штабс-ротмистр! – раздаётся за спиной радостное.

Оборачиваюсь. В дверях столовой сияет как начищенный пятак (и такой же кругленький) рядовой – средних лет мужичок с вычищенным и отутюженным мундиром штабс-ротмистра (моим, выходит) в руках. А мужичок, стало быть, Кузьма Скоробут, мой ординарец, которому тушка моя нынешняя обязана своим спасением.

Встаю навстречу, обнимаю малость ошалевшего мужичка. Он явно не ожидал.

– Вы чегой-то это, вашбродь?

– Врачи сказали, я тебе жизнью обязан.

– Они и не то скажут, трубки клистирные. Обычное дело солдатское: сам погибай, а командира выручай.

– Ну, ты ж не погиб, Кузьма. А потому с меня тебе простав будет.

Улыбается уже от уха и до уха. Только вот почему на него мой амулет почти сразу среагировал? Тоже демоническая сущность?

– А скажи-ка, братец... Ты же не простой мужик, рядовой обученный?

– Так вы ж знаете, вашбродь. Домовой я.

– Ты, Кузьма, не удивляйся, что я спрашиваю об обычных вещах. Меня при падении так приложило тогда, что память почти начисто отшибло. Тут помню, тут не помню... – Не смог удержаться и не вспомнить один из любимых фильмов. – Амнезия называется. Ты уж помоги мне, подскажи, кто у нас в полку кто из офицеров, да в нашем подразделении кто из солдат кто.

– Что, совсем ничего не помните, вашбродь?

Делаю неопределённый жест руками и плечами.

– Дак помогу, чего ж не помочь-то.

С помощью ординарца облачаюсь в мундир. Вбиваю ноги в яловые сапоги. Не берцы, конечно, но так... со скрипом.

Идём с Кузьмой получать документы по выписке и моё невеликое имущество. Последние штрихи – шашка, кобура с наганом на поясе, перчатки. Сердечно прощаюсь с Обнорским. Хороший человек, но лучше не встречаться с ним по его профессиональным обязанностям.

На выходе из госпиталя меня окликает Николов. Даже не знаю, радоваться ли такому вниманию со стороны контрразведчика-особиста.

– Николай Михалыч, приглашаю отобедать в местной харчевне. Отметить, так сказать, выздоровление и возвращение в строй.

Ну и как ему, такому красавцу, откажешь?

Вскидываю руку к козырьку, приветствуя старшего по званию. Он протягивает мне руку в перчатке – пожимаю, не снимая свою.

– С превеликим удовольствием, Сергей Красенович, вот только...

Я оглядываюсь на своего ординарца.

– Там и рядовому место найдётся. В харчевне есть зал и для нижних чинов.

Достаю кошелёк, протягиваю Кузьме трёшку. Надеюсь, достаточно.

По тому, как загорелись глаза моего домового-ординарца, понимаю, что даже более чем.

– На горячительное не налегай, – предупреждаю ординарца вполголоса. – Лучше с собой купи, в расположении ещё отметим моё исцеление.

На входе в местный общепит нас поклонами приветствует упитанный не то китаец, не то маньчжур с косой до пояса – швейцар не швейцар, вышибала не вышибала. Однако кланяется

уважительно. Мы с Николовым оставляем Кузьму в зале для нижних чинов, а сами уединяемся в отдельном кабинете.

Смотрю за Николовым и повторяю за ним, дабы не попасть совсем уж впросак. Ага, здесь допустимы некоторые вольности по части формы. Следом за подполковником снимаю перчатки, фуражку, отстёгиваю шашку, чтобы не путалась в ногах.

Усаживаемся за столиком на невысоких лежанках-канах с множеством разбросанных по ним подушек – хошь, под спину подложи, хошь, под пятую точку. Стол уже накрыт закусками, здесь же фарфоровый кувшинчик. Принимаюсь – в нос шибает сивушный запах.

– Ханшин, местная водка, – просвещает Николов. – Китайцы предпочитают пить её подогретой.

Морщусь. Бр-р... Тёплая водка, потные женщины – вспоминается присловье анекдота из моего настоящего. Думаю, не стоит радовать им Николова, вдруг не поймёт. Сильнее, чем водка, «благоухают» лежалые по несколько лет в извёстке яйца. А так-то экзотика, конечно: лёгкое козы под соусом, трепанги с грибами, морская капуста с какими-то микрокреветками, акулы плавники и ласточкины гнёзда.

Ну да я в китайском ресторане не первый раз, палочки в руках держать привык. Николов тоже действует ими достаточно умело.

– Где так наострились орудовать палочками?

– Да здесь и наострился, господин подполковник. Уже какой месяц воюем, а случаются и трактиры, где европейских приборов и не видали. Да и для местной еды палочки как-то удобнее.

Приносят новую перемену блюд: рубленая курица, бараний желудок с овощами, кисло-сладкий суп со свининой, рис.

Николов поднимает пиалушечку с местной тёплой водкой.

– За победу.

Опрокидывает. Я, хмыкнув, следом. Нет, не уговаривайте: плохо очищенная тёплая водка – совсем не то, что холодная. Надо срочно чем-то закусить. Мечу палочками в рот морскую капусту.

– Не стоит недооценивать врага, – отвечаю.

Увы, знаю, чем у нас кончилась русско-японская. Будут ли здесь отличия?

– Да, японец силён. Они сумели создать современный флот...

– Купить его у англичан, – перебиваю я и тут же прикусываю себя за язык.

Николов опасно блеснул на меня своими внимательными глазами.

– Позвольте вопрос, господин подполковник?

Николов приглашающе кивает: мол, давай, спрашивай, может, и ответу.

– Вопрос элементарный, – продолжаю, – но у меня же амнезия, так что, надеюсь, прости-тельно. Почему демоны вообще воюют?

Николов удивлён:

– Как почему? Они подданные своих императоров. Среди них немало патриотов. Мой Кузьмин – вольноопределяющийся, пошёл служить добровольцем.

– Японцы используют демонов только в открытом бою? Или то, с чем мы с вами столкнулись на днях, не единичный случай, а постоянная тактика?

– Гадят ли они у нас в тылу, вы подразумеваете?

Киваю утвердительно.

– Гадят. И не только демоны. Если время демонов чаще всего ночь, то японская разведка трудится круглосуточно.

– Ввиду визуальной схожести китайцев с японцами японским шпионам несложно притворяться местными торговцами, крестьянами, монахами, кули. Даже прислугой у наших офицеров.

– Да, это серьёзная проблема, ротмистр. К тому же японцы и настоящих китайцев прекрасно научились вербовать, чтобы выznавать наши секреты.

– Сергей Красенович, как получается, что мы не можем разбить японцев? Снять осаду с Порт-Артура? У нас что, недостаточно сил?

– Представьте себе, Николай Михалыч. Мы до сих пор воюем в основном теми частями, что изначально располагались на Дальнем Востоке.

– А подкрепление из европейской части России?

– Поступает. В час по чайной ложке.

Он ловит мой удивлённый взгляд.

– Напомню, на большинстве своего протяжения Транссиб – однопутка. Эшелоны с вооружением, припасами и подкреплением просачиваются, словно в бутылочное горлышко. Да и на море японцы нас переиграли в самом начале войны.

Точно. Логистика играет здесь на стороне врага.

– Есть, правда, надежда на эскадру Рождественского.

– Цусима! – Я не замечаю, что говорю вслух.

– Что Цусима? – напрягается Николов.

– Эскадра будет идти долго. Здесь, на суше, за это время успеет черт знает что произойти. А в Цусимском проливе легко подготовить ловушку нашим кораблям. Может, стоит их предупредить?

– Это ведь только ваши предположения? Насчёт Цусимы?

С сожалением развожу руками. Ну нет у меня резидента в Токио со связями в Генеральном штабе.

– Я всего лишь штабс-ротмистр. К тому же с потерявшейся памятью.

– Но с острым умом, – парирует Николов. – Не хотите ко мне под крылышко? Мне нравится ваш аналитический склад ума. Да и охотник на демонов нам потребен. Интересную жизнь гарантирую.

Болгарин разливает водку по пиалушечкам.

– Вынужден отказаться, ваше высокоблагородие.

Бровь Николова удивлённо ползёт вверх.

– Я ещё не до конца оправился после падения с лошади. И те самые мои способности дают сбой. К тому же в бригаде могут счесть, что я таким образом решил отсидеться в тылу и праздную труса.

– Понимаю ваши мотивы, ротмистр. Жаль. Возможно, в ближайшем будущем вы всё же примете моё предложение. А пока... небольшой презент. В память о нашем знакомстве.

Николов кладёт передо мной на стол продолговатый бумажный свёрток. Разворачиваю. Короткий меч-вакидзаси. Специально для харакири. Это намёк?

– Ваш трофей по праву, – поясняет подполковник, – с убитого цитигумо.

Выдвигаю клинок из ножен. Линия закалки распадается на иероглифы. Несколько групп по несколько знаков. Что бы эта надпись значила? И лезвие серебром отливает. Э-э, не родственница ли это моей шашке?

Обед закончен, мы с Николовым прощаемся: ему в штаб армии, мне – на фронт.

Кузьма ждёт у коновязи. В сидоре что-то стеклянно стучается друг о друга и аппетитно булькает. Нет, ординарец – это сила: и себя не обидел, и о командире не забыл. Поел, выпил, смотался к госпиталю, где оставил наших коней, и с ними вернулся к харчевне.

Стою, гляжу на своего коня, как дурак распоследний. И что с ним делать? Где у него нейтралка, передняя, задняя скорость? Кузьма смотрит на меня с недоумением: мол, чего это с их благородием?

Закрыв глаза, взялся за луку седла – и тело само вспомнило всю последовательность движений. На счёт три я уже в седле, ноги в стремях. Главное, отпустить разум, и тело вспомнит всё на автомате. Сработало.

Едем. Или скачем? Передвигаемся, короче. Я впереди на лихом коне, Кузьма чуть сзади и сбоку.

– А скажи, Кузьма, что приключилось у нас, пока я в госпитале на койке бока отлёживал? Скоробут озадаченно чешет затылок.

– У нас, вашбродь, это где? Во взводе, в батальоне или в бригаде?

– Ну, начни со взвода. – И тут меня осеняет. – Постой. Нет ли у нас среди солдат какого-нибудь ведуна или шамана?

– Сам не знаю, а разузнать разузнаю...

Мы сворачиваем за поворот. Выстрел, другой, третий. Конь мой хрипит и заваливается на бок. Просто чудом успеваю соскочить, едва не застряв в стремях. Падаю под прикрытия упавшего коня. Путаюсь в непривычной кобуре, рву из неё наган и кручу головой: как там мой ординарец? Скоробуту повезло чуть меньше, чем мне. Его лошадь тоже убита, а сам он лежит с придавленной её трупом ногой. Штанина на второй ноге покраснела от крови. Но хоть до винтовки смог дотянуться.

Три фигуры направляются к нам из зарослей, держа оружие наизготовку. Белые брюки с гамашами, синие кителя, у двоих винтовки и жёлтые околыши фуражек, у третьего – револьвер и околыш красный. Понятно, офицер с двумя солдатами. Ну наглость – японская засада в русских тылах.

Вскидываю руку с наганом, жму спуск. Мимо, мимо, есть! Один из солдатиков роняет винтовку и оседает, держась руками за грудь. Скоро бут стреляет, но японцы приближаются, то и дело шныряя в стороны. Меня тоже сложно поздравить с меткими выстрелами.

У Кузьмы сухо щёлкает боёк – осечка или кончились патроны? Уцелевший солдат-японец скидывает свою «арисаку» и целится в моего ординарца. Жбах! «Мосинка» Скоробута, отправленная барабашкиной силой в полёт, с глухим чмоком встречается с раскосой физиономией подданного микадо. Удар силён. Японец падает на дорогу и замирает без движения. Лицо его словно кровавая маска.

Перестреливаемся с японским офицером. Увы, патроны не бесконечны. Японец выхватывает свой офицерский меч и быстрым шагом идёт ко мне. Скоробут пытается запустить в него свою многострадальную винтовку, но офицер лишь отмахивается, и винтовка улетает, словно городошная бита, куда-то в кусты. Второй ментальный удар приходится по моему ординарцу. Неведомая сила отбрасывает Скоробута вместе с лошадью с дороги, словно детскую игрушку.

Амулет раскалёнными иглами жжёт грудь. Японец начинает трансформацию, оборачиваясь в человекоподобного демона с лицом на груди. Выхватываю саблю. Рожа демона скалится в гнусном хохоте. Японец делает несколько выпадов. С трудом отбиваю их, но на последнем ударе моя шашка летит в сторону, выбитая из рук.

– Гайдзин, отдай то, что тебе не принадлежит, и ты умрёшь лёгкой смертью.

Его палец утыкается в трофейный вакидзаси, который я сунул за голенище сапога.

Натягиваю на лицо выражение крайнего испуга.

– Не надо! Прошу вас! – кричу истошно. – Да забирайте этот ножик дурацкий!

Вытягиваю клинок из сапога. Ну, только бы не оплошать... Одним движением запускаю вакидзаси в полёт – точнёхонько в глаз японского демона. С хрипом падает демон на землю, облик его словно тает, превращаясь в чёрно-зелёный дым. Всё, что от него остаётся через пару минут, – пустой мундир и сапоги, а также мой вакидзаси, развоплотивший врага в ноль.

Бросаюсь к Кузьме, тот стонет с закрытыми глазами. Оттаскиваю его на обочину. Разрезаю вакидзаси напитавшуюся кровью штанину своего ординарца. К моему удивлению, рана

больше не кровоточит и вообще подзатянулась уже розовым рубцом, сочащимся светлой сукровицей. Это что же, у демонов такая регенерация?!

Со стороны города за поворотом приближается весёлый перестук копыт, и на дорогу вылетает казачий разъезд. Ба, да это ж мои знакомые – братья Лукашины. Остальных не знаю.

Лукашины меня тоже узнают. Тимофей спрыгивает передо мной со своего коня, смотрит на следы побоища.

– Погуляли вы тут, вашбродь.

– Да уж не без этого. А где подполковник Николов?

– Так проводили его, в аккурат до штабу, теперь возвращаемся в свою сотню.

Посмотрел на меня, на мёртвых наших со Скоробутом коней. Вздохнул, повернулся к своим.

– Станичники, грузи япшек на заводных. И их благородию с ординарцем коней подведите!

Глава 6

Больше приключений на мою душу не выпало. Ближе к вечеру добираемся до какой-то китайской деревушки, где расквартирован мой взвод. Отсюда до линии фронта с десяток вёрст, почти тыл, хоть и не глубокий. Канонада и ружейная пальба не слышны: обе армии – и русская, и японцы – набираются сил и зализывают раны.

Скачем по высохшему руслу реки, которое используется здесь как дорога. Попутно обращаю внимание на высооченные заросли проса, так похожего на кукурузу, Скоробут называет его гаолянном. Гаолян тут повсюду. Если противник захочет, сможет спокойно подобраться по нему, и ни одна зараза не заметит. Делаю про себя отметку.

Работников на полях нет, уже поздно, но пару раз нам встречаются одинокие китайцы в своих смешных шляпах. Лично я им завидую: маленький козырёк фуражки не спасает от палящих лучей солнца. Всё-таки нынешняя форма мало приспособлена для такого климата, не придумали ничего вроде широкополых шляп-панам, какие носили советские военнослужащие, например, в Средней Азии.

На въезде в деревню – двое часовых, бойцы, как я понимаю, из моего взвода. Оба невысокие, в лучшем случае метр шестьдесят, степенные мужички лет тридцати, а не безусые парнишки-срочники. Это радует. У таких подчинённых шило в одном месте не играет, хотя в армии всегда была популярна поговорка: лучше иметь два шкафа, чем одного отличника боевой и политической подготовки. Всё-таки взрослый мужик – есть взрослый мужик. Меньше неприятных сюрпризов и взбрыкиваний. Если воюют, так воюют.

Солдаты узнают меня, козыряют. Лица, кстати, довольные: похоже, настоящий Гордеев – толковый командир и к подчинённым относится нормально. Значит, будет меньше проблем при налаживании отношений.

Обращаю внимание, во что они одеты и обуты. Мундиры явно пообносившиеся, как это часто бывает в боевых частях (на фронте одежда просто горит), но хотя бы не рвань и лоскуты. Цвет явно не уставной, какая-то странная импровизация – от жёлто-зелёного до голубоватого оттенка. Не иначе, пытались красить белые заметные гимнастёрки кустарным способом. На ногах вместо сапог обмотки и что-то вроде мягких туфель.

Отъехав, спрашиваю ординарца, что это за обувь.

– Улы, китайские башмаки, – поясняет Скоробут. – Сапоги уж больно быстро разбиваются на сопках, да и шум от них изрядный, а мы ж разведка, нам тихо нужно ходить.

Киваю. Оказывается, проблема с обувью – штука вечная, только ленивый, наверное, не критиковал откровенно неважного качества берцы, в которых ходила армия моего времени. Не зря многие старались купить кроссовки или гражданские ботинки.

По идее, после возвращения из госпиталя полагается представиться ротному, вернее, командиру эскадрона, но надо ехать в соседнюю деревню, да ещё и на ночь глядя. Думаю, подождёт непосредственный командир до утра. Поднимать бойцов тоже не хочу, пусть мужики выспятся. На войне ценна каждая минута спокойного сна – по себе знаю.

Попутно вспоминаю, что мне известно о драгунах, к коим я официально принадлежу. Не так уж и много. По сути, это конная пехота, некий аналог ВДВ, только средством доставки является лошадка, а не самолёт. Прибыв на нужное место, спешиваемся и идём в бой, то есть в сабельной рубке не участвуем. Оно, пожалуй, и к лучшему: кавалерист из меня так себе.

– Вам сюда, в эту фанзу, – указывает ординарец на небольшой домик с саманными стенами и какими-то странными окнами. Не сразу догадываюсь, что это полупрозрачная бумага.

Выделенная мне фанза стоит особняком и выглядит побогаче других. Видимо, для взводного расстарались, выбрали хату получше. На лавочке у дверей сидит пожилая женщина с широким скуластым лицом и узкими глазами-щёлочками. Очевидно, хозяйка квартиры.

При виде меня она встаёт и начинает что-то лопотать.

– Это она радуется вашему выздоровлению, – поясняет Скоробут.

– А ты что, по-китайски говорить умеешь?

– Нам, домовым, со всеми общий язык положено находить, – с достоинством отвечает ординарец. – Вы, вашбродь, почивать ложитесь, у них тут каны тёплые, с подогревом.

– Прости, что у них тёплое?

– Каны. Ну, навроде наших нар, – терпеливо поясняет солдат. – Китайцы их греют, чтобы спалось, значит, теплее. Так что ложитесь спать смело, а я утром вас разбужу.

Сон – дело хорошее.

Захожу в избу и сразу замечаю, что потолка здесь нет, крыша идёт сразу со стены. Наверху парочка жердей, на них сушатся какие-то тряпки. Нахожу нары, о которых говорил Скоробут. Постельного белья, само собой, нет, ну да ничего, и не в таких условиях ночевать приходилось.

Снимаю с себя мундир, разуваюсь и в нательном белье ложусь на кан. Он действительно тёплый, греет не хуже печки. Засыпаю практически сразу, стоит только закрыть глаза.

Просыпаюсь от чьего-то присутствия и сразу вижу рядом с собой Скоробута.

– Пора, вашбродь, – говорит он.

– Который час?

– Шесть утра.

Вместо моего мундира висит другой, тоже какого-то странного цвета – знакомая смесь зелёного и жёлтого.

– Это что такое?

– Простите, вашбродь, вас ведь в прошлый раз из-за белой гимнастёрки чуть не подстрелили. У нас тут парадов нет, вот я и взял на себя смелость один мундир китайцам отдать, чтобы они его, значит, перекрасили. А это заместо сапог, – протягивает он онучи и мягкие туфли.

Ругаться на домового не хочется, он и впрямь заботится о командире, не хочет, чтобы тот выделялся белой вороной. Кстати, вот к чему можно будет приложить мозг и послезнание – продумать маскировочный костюм, в котором будет легче ходить на разведку. Ну, и делать это уже не на кустарном уровне, а профессионально. Не зря англичане по итогам англо-бурской на цвет хаки перешли. Нам ещё только предстоит такое открытие. И чем раньше, тем лучше. Да тут просто поле не паханое!

– Личный состав уже выстроен, ожидает распоряжений.

Ну что ж, посмотрим, что за взвод у меня под ружьём.

Выхожу во двор, где в одну линию стоят драгуны. И сразу первое разочарование. Взвод только на бумаге, по факту – полтора отделения, то есть пятнадцать бойцов. Среди них один младший сержант, судя по двум лычкам на погонах. Вернее, младший унтер-офицер, если мне не изменяет память.

– Почему так мало? – тихо спрашиваю у Скоробута.

– Нас в боях хорошо потрепало, а пополнения не шлют, – виновато отвечает ординарец, будто от него зависит этот вопрос.

Я прошёлся вдоль строя, чувствуя обращённые на себя пятнадцать пар глаз. Любопытства в них не было, всё-таки для них я – прежний командир, вернувшийся из госпиталя.

Унтер подходит с докладом. Слава богу, раненых и больных нет, и лошади целы. Боевых задач на сегодня не планируется, все ждут распоряжений вышестоящего начальства.

– Благодарю за службу! – хвалю я.

Физиономия унтера остаётся невозмутимой.

– Кто командовал взводом до моей выписки? – снова тихо спрашиваю у Скоробута.

– Дык это... Савельич. То есть младший унтер-офицер Бубнов! – вытягивается в струнку Скоробут.

– Унтер-офицер Бубнов! – громко рявкаю я. – Я отправляюсь к командиру эскадрона, остаётесь за старшего!

– Слушаюсь! – отвечает тот.

Амулет греется. Опачки! И унтер-то у меня, оказывается, непрост.

– Вольно! Разойдись! – распускаю драгун, а сам спрашиваю у Скоробута: – Кто у нас Бубнов, кроме того, что унтер?

Ординарец догадывается, о чём речь.

– Леший он, вашбродь.

С опаской смотрю на Бубнова. Вроде и подчинённый, но «гражданская специальность» внушает уважение. Я в той жизни вроде не особо суеверным человеком был, но в леших почему-то верил и истории, как люди могли часами плутать на одном месте, сказками не считал.

– Надёжный?

– Как кремь! Вы же лично его выбрали!

В компании верного ординарца едем к комэску – ротмистру Шамхалову. Пытаюсь разведать у Скоробута, как к тому солдаты относятся, но ничего определённого узнать не могу. То ли стесняется при мне открываться, то ли опасается последствий: нижним чинам за глаза говорить о начальстве не положено.

И снова вокруг бескрайние поля гаоляна, а где-то впереди – сопки.

У Шамхалова породистое кавказское лицо. Оказывается, он князь, но между своими офицерами принято обращаться без чинов. Невысокий, тонкокостный, но при этом полный энергии. Перед моим визитом из фанзы Шамхалова выбегает молодая китаяночка, старательно пряча лицо рукавом халата. Похоже, половая жизнь у князя такая же бурная, как и горная река.

– Штабс-ротмистр! – довольно всплёскивает руками командир. – Рад видеть вас в здравии! Мне говорили, что в госпитале санитарочки чудо как хороши! – причмокивает он.

– Боюсь, у меня было мало возможностей оценить их красоту. Долгое время пробыл в беспамятстве!

Поскольку мне с ним служить и служить, во избежание вопросов рассказываю о своей амнезии.

– И что, вот так совсем-совсем ничего не помните? – хмурится князь.

– Ну, воевать я ещё не разучился, – успокаиваю я его.

Шамхалов облегчённо вздыхает. Потеря боевого взводного в условиях дефицита кадров – штука неприятная.

– Слава аллаху! А то я уже подумал, что придётся дать вашему взводу другой приказ.

– Никак нет! Готов выполнить любое поручение, – бодро рапортую я.

– Тогда слушайте, штабс-ротмистр. Есть подозрение, что неприятель может обойти нас с правого фланга, верстах в тридцати отсюда. Надо бы выяснить, так ли это, и, если будут замечены неприятельские колонны, не вступая в бой ретироваться и сообщить мне, а я уже передам сведения в штаб полка. Выдвигаться нужно немедленно, начальство крайне обеспокоено.

– Есть! Разрешите выполнять?

– Ступайте! И да хранит вас Всевышний!

Для выполнения такого задания пришлось задействовать весь взвод... Ну, то, что от него осталось. Тридцать вёрст – примерно тридцать два километра, почти суточный переход верховыми. Потратив на сборы меньше часа, взвод выехал в указанном направлении.

Выяснилось, что только ординарцем и унтером таланты среди моих бойцов не исчерпываются. Нашёлся ещё один самородок, нижний чин Ипполитов. Он приходился сородичем Бубнову и был банником. В отличие от унтера, отличался скверным характером, любил поворчать, но всё-таки оставался справным солдатом, как сообщил Скоробут. Подумав, я отправил

обоих родственников в авангард. Если возникнет какая-то проблема, передовой отряд заметит её и предупредит нас.

Не раз и не два навстречу нам попадались воинские команды: шли под палящим солнцем пехотинцы со скатанными шинелями и холщовыми мешками, перекинутыми через оба плеча. Многие давно не брились и заросли бородами. То тут, то там встречались китайцы, работавшие на полях, – война страшила их меньше всего.

Вдалеке загремела канонада. Привычные к обстрелам лошади даже ухом не повели, продолжая ход. Мы проехали несколько часов, так и не вступив в стычку. Видимо, начальство перестраховалось, придумав обход с флангов.

– Вашбродь, взгляните, – указал вдруг вперёд Скоробут.

В отличие от него, у меня не было орлиного зрения, и видеть в темноте, как кошка, я не мог, пришлось воспользоваться биноклем. Сквозь окуляры удалось разглядеть усердно нахлестывавшего лошадь Ипполитова. Он скакал один, без Бубнова. Вряд ли наш банник оставил бы в беде родича, значит, тут что-то другое.

– Вашбродь, японцы! – задыхаясь, сообщил он, поравнявшись со мной.

– Много? – посерьёзnel я.

– С роту наберётся. И да, вашбродь, следом за ними идёт обоз. Десятка два телег, с чем, не знаю.

– Обоз?! – заинтересовался я.

Откуда тут взялся обозу? По идее, он должен передвигаться где-то в неприятельском тылу.

– А ну, прибавим ходу, ребятки! – велел я драгунам.

На перекрёстке двух дорог мы скрылись в высоченном гаоляне, спрятавшем нас от чужих глаз. Там нас ждал унтер. Японцев пока не было видно, но если авангард не ошибся, и их целая рота, то для нашего взвода это непосильная цель. А вот обоз... Это всегда была лакомая цель для армий любой страны.

– Унтер-офицер, – позвал я Бубнова.

– Слушаю, вашбродь!

– Можешь показать, на что способен?

– Что сделать-то, вашбродь?

– Закружи японцев. Пусть эта рота оторвётся от обоза и пойдёт, скажем, в левую сторону, подальше от наших, а обоз пусть едет вперёд. Это возможно?

Бубнов задумался.

– Всю роту обмануть не смогу. Их человек сто, а то и больше.

– А ты не всю роту, ты их офицерам голову задури. Пусть они приказы отдают. Солдаты – народ подневольный, что говорят, то и делают.

– Эх, в нашем лесу было б сподручней, там каждая осинка и берёзка своя, помогут. Но я попробую. Если что, не взыщите, вашбродь.

– Попробуй, голубчик! Старшим унтером тебя сделаю!

Показалась колонна японской пехоты, впереди которой верхом гарцевал офицер. Неприятелю тоже нечем было хвастаться: такие же ободранные и голодные солдаты, как и на нашей стороне. Странно, конечно, что без авангарда, ну да это не моя головная боль.

Унтер опустил на корточки, закрыл глаза, сжал голову руками и что-то забормотал. Его лицо покраснело, на висках проступили синие прожилки вен.

Японцы приближались всё ближе и ближе. Я начал было жалеть о своём решении, но тут произошло чудо: офицер на коне внезапно свернул в нужную сторону, а следом за ним последовала вся колонна. Они постепенно удалялись от нас всё дальше и дальше.

Появился обоз. Никто из кучеров и нескольких солдат сопровождения не заметил странного манёвра основного отряда. Обоз степенно покотился вперёд.

Выждав с полчаса, чтобы колонна удалилась на достаточное расстояние, я коротко приказал:

– С Богом, братцы!

Наша атака оказалась внезапной для врага. Нам удалось сбить передние и задние телеги японцев, они преградили дорогу для остальных. Обоз застрял.

Пошла жара!

Верховым действовать было невозможно. Я спрыгнул с коня и бросился к ближайшей подводе с револьвером в руке, чуть было не запнувшись о висевшую на боку шашку. Кучер – гражданский – выпустил вожжи из рук, но сидевший возле него солдат в синей полевой форме и фуражке с жёлтым околышем вскинул винтовку, целясь в меня. Я выстрелил в него на бегу, сначала промазал, но вторая пуля сбила пехотинца с облучка, он упал на землю. Ещё одного японца пристрелил следовавший за мной тенью Скоробут.

Короткая стычка закончилась тем, что остальные японские солдаты побросали ружья и подняли руки вверх.

Я огляделся и не заметил своего унтера.

– Где Бубнов?

– У перекрёстка остался. Все силы, чтобы японца с толку сбить, положил.

– Понял, – кивнул я и отправил одного из бойцов за унтер-офицером, а сам принялся осматривать добычу.

Большинство повозок были нагружены оружием и боеприпасами, в двух нашлись съестные припасы, а в одной нас ждал сюрприз: она была под завязку набита медицинским инструментом.

Что ж, теперь есть чем отблагодарить любезнейшего Сергея Ивановича – главврача госпиталя. Думаю, такой подгон будет ему в самый раз. Кроме того, наряду с обозом у нас было полтора десятка пленных солдат – потенциальных «языков», – не считая гражданских.

Дождавшись возвращения Бубнова, я приказал ему скакать к командиру эскадрона с донесением, что японцы действительно пытаются обойти нас с фланга, а сам с бойцами приступил к сопровождению взятых трофеев в наш тыл.

Глава 7

– Хороши! Британской работы инструментарий... – радуется любезный Сергей Иванович, принимая трофейные медицинские инструменты. – Даже не знаю, как благодарить вас, Николай Михалыч!

– Я не за благодарность стараюсь, для дела, – отвечаю Обнорскому. – Разве что йоду у вас попросить с десяток небольших пузырьков. Ну и спирту. Исключительно для медицинских целей.

Обнорский смотрит на меня с хитринкой.

– Ну разве что исключительно для медицинских. Не переусердствуйте только, штабс-ротмистр, без закуски обеззараживание организма чревато похмельем.

Смеюсь.

Возвращаемся со Скоробутом из госпиталя обратно в расположение не порожняком. В седельных сумках заводной лошадки булькают большая бутылка со спиртом и такая же с йодным раствором. Попробую сформировать своим бойцам индивидуальные аптечки. Почему не попросил у Обнорского бинтов? А у каждого бойца уже имеется на дне сидора или в специальном кармашке в шароварах свой индивидуальный перевязочный асептический пакет – рулончик бинта в вошёной бумаге. Если добавить к этому склянку йода и спирта, то и кой-какой антисептик будет.

Только вот где взять столько небольших стеклянных флаконов? Можно долго свою голову ломать, но зачем, если рядом Скоробут? Делюсь с ним проблемой.

Тот чешет затылок, щурится.

– Вашбродь, а склянки обязательно стеклянные? Может, фарфор подойдёт?

– Подойдёт и фарфор. Где ж его взять?

– Так у китаёз же. Бабы ихние в таких флакошках духи хранят.

Ай да Кузьма, ай да барабашка... Точно, Китай же родина фарфорового производства, здесь фарфора больше, чем стекла.

Втроём с Кузьмой и местным толмачом, который малость понимает по-русски, обходим деревню. Объясняю местным красавицам и прелестницам, что и сколько мне надо. По два флакончика на каждого моего бойца. Обошлось в какие-то копейки, несколько китайнок отдали старые флаконы даром. Оплатил из своих средств, не лезть же в карман к солдатикам, у них всяко не богаче, чем у меня.

Строю взвод, раздаю флакончики. Объясняю, чего и как с ними делать для обеззараживания возможных ранений. Показываю приёмы перевязок, учили же меня чему-то в училище, не всё забыл. Отдельно предупреждаю: спирт для дезинфекции внутренних органов строго запрещён. Приказываю добавить во фляги с питьевой водой уксус: кипячёную воду это дольше сохранит от протухания, а не кипячёную – дополнительно обеззаразит.

– Ясно-понятно? – спрашиваю.

– Так точно, вашбродь! – отвечают мне хором. И прям глазами меня едят, как уставом прописано.

Снова осматриваю строй солдатиков в кое-как крашенных в зелень гимнастёрках и шароварах. И для полевых частей не айс, а уж для разведки – детский сад и сбоку бантик.

Командую разойтись и отзываю Скоробута в сторону. Расспрашиваю про полковую пошивочную мастерскую, она здесь имеется и именуется швальней.

Мастерская находится в соседнем китайском селении с непроизносимым названием, там же, где и штаб нашего драгунского полка. Скоробут катит на швальную команду, чуть не по матушке костерит: и косорукие, и убогие, и руки из жопы растут...

Пришлось прикрикнуть, чтобы остановить, а то уж больно разошёлся.

– Тебе-то они в чём дорогу перешли?

– Не мне, а вам. Вы ж не помните, поди, теперь, как они вам шинель пытались построить? Отрез испортили, так что пришлось шинель в Харбине заказывать из готовых. А та на вас тоже как с чужого плеча. Хорошо, весна началась, и я её до осени прибрал в багаж.

Блин. И к этим людям мне идти объяснять, как сшить то, чего они никогда не шили и о чём я сам имею лишь отдалённое представление, как это должно кроиться и сшиваться? Ну, других специалистов нет, придётся иметь дело с теми, что есть.

Обломися, штабс-ротмистр. Проблема со швальней есть, и далеко не одна. Дело даже не в портных. Во-первых, мне популярно объяснили, что на мои фантазии просто нет материала. На гимнастёрку или шаровары – пожалуйста-с со всем удовольствием, а на неведому зверушку под названием «маскировочный халат» – нет. Ибо уставами такое обмундирование не предусмотрено.

Но если бы и можно было, то окрас в защитно-пятнистый цвет хэбэшной ткани и пошив одного комплекта куртки свободного кроя с большим количеством карманов и таких же шаровар обойдётся мне в четвертной. Коли одевать своих бойцов за мой счёт, то на пятнадцать душ будет потребно триста семьдесят пять рубликов – почти половина годового оклада.

Конечно, в военное время жалованье мне идёт усиленное. Плюс всякие единовременные выплаты, полевые и походные порции. Немногим за тысячу рублей переваливает. Но это в год. А в месяц выходит чуть более восьмидесяти рубликов.

Можно, конечно, ограбить банк. А можно включить голову и подумать. Взять ссуду в полковой кассе? Не вариант. Чем отдавать? Прибегнуть к эрзацам? Нельзя пошить маскхалат – можно соорудить маскировочную накидку. Рыболовная сеть и тряпочные ленточки.

Эти мысли занимали мою черепушку во время утренней пробежки. Я решил-таки заняться приведением нынешнего тела к более или менее вменяемым кондициям. Мускулы подтянуть, мышечную массу немного нарастить в нужных местах, и бег, бег, чтобы никакой одышки. Тело, конечно, сопротивлялось, возмущалось, но...

– Штабс-ротмистр Гордеев?

Увлёкся мыслями, пропустил приблизившийся топот копыт. Сбился с шага, остановился, обернулся, восстанавливая дыхание.

Передо мной штабс-капитан, светлые щегольские усики, высокий лоб с залысинами. В принципе, по чину мне ровня, но кто ж его знает.

– Здравствуйте, господин штабс-капитан.

Глаза у него неприятные, цвета Балтийского моря, как у селёдки. И акцент какой-то шипящий. Поляк?

– Прошу простить, но из-за амнезии...

– Наслышан про столь «чудесный» диагноз. Станислав Вержбицкий, адъютант начальника нашей бригады. Что это вы, штабс-ротмистр, в таком виде?

А какой «такой» вид? Офицерские шаровары с мягкой китайской обувкой и исподняя рубаха, мокрая и пропотевшая.

– Тренируюсь, господин штабс-капитан.

– От япошек драпать?

Интересно, за что же господин адъютант так невзлюбил моего предшественника в этом теле? Надо бы расспросить Кузьму на досуге.

– Бежать не обязательно от чего-то. Можно бежать к чему-то. К победе, например.

– Хотите совет, штабс-ротмистр? Не старайтесь быть оригиналом. Вам это не идёт. Как и любовь к быдлу.

Развернул господин Вержбицкий своего коняку, и только за ним пыль столбом.

Сторговать у местного рыбака сносную сеть за банку тушёнки не составило проблемы. Кузьма, как узнал, костерил меня почём свет стоит. Оказывается, за банку тушёнки тут таких сетей можно было сторговать на целую рыболовецкую артель.

– Либо девку для непотребных утех, – усмехается Скоробут, – но это только ежели семья небогатая.

– В смысле?

Скоробут рассказал.

Н-да... нравы тут. Действительно, можно за банку тушёнки купить себе китаяночку в наложницы. И на бордель тратиться не надо. Но в борделе шлюхи хотя бы регулярно проходят врачебные проверки на предмет срамных инфекций, а в деревне врача и не видали никогда. Причём девственность девицы ещё не гарантирует, что ты ничего от неё не подцепишь. Санитария у местных на уровне «нет, не слышали».

Интересно, любвеобильный комэск Шамхалов свою китаяночку тоже за баночку тушёнки сторговал?

– А скажи, Кузьма, штабс-капитан Вержбицкий... В чём я ему дорогу перешёл?

– Хорошая у вас, вашбродь, болезнь. Чего ни напакостили, ничего не помните. Вы его на дуэль вызвали.

– Какая-то амурная история?

– Куды там. Господин штабс-капитан Акиньшину в зубы дал. Три выбил. А вы вспылили: мол, солдата бить негоже, тем более на войне. И перчатку Вержбицкому бросили.

Акиньшин – из молодых солдатиков. Призвали полгода назад, перед самой войной. Он, конечно, пообвыкся, но до старослужащих, типа унтера Бубнова, ещё далеко.

– Мы стрелялись?

Скоробут отрицательно мотает головой.

– Вержбицкий командиру бригады доложил. А генерал рассудил отложить поединок до окончательной победы над врагом.

Хм... То есть навсегда, поскольку войну японцам мы проиграли... проиграем. Или нет, если я смогу что-то изменить в ходе исторических шестерёнок?

– За что же Вержбицкий Акиньшину в зубы дал?

– Тот честь недостаточно бойко отдал.

Н-да... Крепостное право всего сорок лет назад отменили. Его ещё полстраны помнят. А у Вержбицкого, поди, ещё и панская спесь свербит в одном месте.

Кузьма сообразил нам чаю, сидим, пьём. Угостил его конфетами – доволен. Барабашка мой уж больно до сладкого охоч. Прошу его набрать мне поболее зелёных, коричневых и вообще тёмных лоскутков. Недоумевает: зачем? Отвечаю: мол, сюрприз для всего взвода будет.

К бессонным ночам мне не привыкать. При свете керосинки сперва выкроил и связал из рыболовной сети что-то вроде накидки-пончо с капюшоном, затем навязал на неё лоскутков. Накинул на себя, глянул в зеркальце – у хозяев есть небольшое, в пару ладоней величиной, и это они богатыми людьми среди местных считаются, трёх батраков держат. Покрутился туда-сюда, накинул капюшон – сгодится.

Утром строю взвод. Предлагаю пари: найдут меня за пятнадцать минут на поле скошенного гаоляна – выставляю тройную винную месячную порцию, три литра водки.

Не найдут.

Они без слов исполняют моё желание – любое, но без ущерба их солдатской чести и достоинству. Смотрят на меня странно: что за дурь пришла в голову их благородию? Возражений не жду, не принято тут ещё офицеров по матушке посылать. Хотя до этого момента уже недолго – чуть больше десяти лет.

Прошу фору с четверть часа. И снова никаких возражений. Отдаю унтеру-лешему свои часы. Слава богу, Савельич соображает в часах и может отсчитать пятнадцать минут. Время пошло.

Бегу к полю. На мне шаровары и гимнастёрка, за спиной – небольшой тючок. Добегаю до аккуратных копёшек, разворачиваю свою торбочку и быстро набрасываю на себя своё импровизированное дырчатое пончо. Малой сапёрной лопаткой рою яму под одной из копёшек, ссылая землю под соседнюю копну, чтобы незаметно было. Распаковываю экспроприированный у хозяев флакон – там смесь печной сажи и золы с топлёным свиным жиром. А что делать? Нет тут ещё промышленной камуфляжной краски, вот и приходится импровизировать. Теперь накинуть на голову сетчатый капюшон и залезть под свою копну в вырытую яму.

Лежу, жду. На поле слышны перекликающиеся голоса моих бойцов. Ходят, ищут меня, шевелят копёшки сжатого на корма скоту гаоляна. Считаю про себя время. По моим прикидкам, заканчивается десятая минута поисков.

Шаги двух человек останавливаются совсем рядом. Замираю и стараюсь не дышать, даже глаза прикрываю, чтобы блеском сетчатки себя не выдать. Пытаюсь разобрать по голосам.

– А может, их благородие из ваших? – Голос молодой, вроде Акиньшин...

– Не, я бы своего почуял. Господин штабс-ротмистр из людского племени. – Это уже Савельич басит. – Ну-тко, Акиньшин, ткни своим винтарём эту копну.

Копну надо мной активно ворошат. Замираю и стараюсь не дышать. Вывезет, не вывезет?..

– Пусто, господин унтер-офицер.

Шаги и голоса удаляются.

Неприятность случилась на тринадцатой минуте по моему примитивному счёту. На поле послышались стук копыт и начальственный крик Вержбицкого:

– Это ещё что за фокусы?! Унтер-офицер, ко мне! Немедленно доложите, чем занят взвод!

– Вашбродь, взвод проходит практическое занятие по поискам вражеского лазутчика!

– Что за чушь?! Где ваш командир взвода?!

– Его и ищем, господин штабс-капитан!

– Ты с ума сошёл, унтер?!

– Никак нет, вашбродь, я в здравом уме. Выполняю приказ командира.

Так, пока не дошло до рукоприкладства со стороны гонористого пана Вержбицкого, пора вмешиваться в ситуацию. Вскакиваю на ноги, быстрым шагом подхожу к выстроившемуся в две шеренги взводу во главе с Бубновым.

Вержбицкий меня не враз и признал: даже малость отшатнулся, глаза по пять копеек. И коняка его всхрапнул от моего неуставного видочка.

– Господин штабс-капитан, младший унтер совершенно прав. Взвод выполняет задачу по боевому слаживанию и поиску вражеского лазутчика.

– Что за вид?! Вы боевой офицер или шут гороховый?!

– Это маскировка, господин штабс-капитан.

К нам подъезжает Элихманов в сопровождении седоватого подполковника весьма кавказской наружности, с такими усищами, что и Будённый бы позавидовал. Впрочем, самому Будённому сейчас двадцать с небольшим, и он обретается где-то тут, на местном театре военных действий. Интересно, он уже начал отращивать свои усы?

– Что здесь происходит?

Подполковник сидит на коне как влитой, но, стараясь не подавать виду, потирает грудь в районе сердца.

– Господин подполковник, штабс-ротмистр Гордеев. Вверенный моему командованию взвод разведки...

Вытягиваюсь в струнку, ем глазами начальство, втираю ему в мозг то же, что уже сказал Вержбицкому. Подполковник рассматривает меня с нескрываемым любопытством.

– И что это на вас за наряд, Николай Михайлович?

– Маскировочная накидка с капюшоном.

– А с лицом у вас что? – встречает Вержбицкий.

– Также элемент маскировки.

– Это какая-то партизанщина и безобразие, – поворачивается Вержбицкий к подполковнику. – Не офицер, а Петрушка из ярмарочного балагана.

Подполковник жестом останавливает словесный понос Вержбицкого.

– Ну, и нашли вас ваши подчинённые, штабс-ротмистр?

– Предлагаю спросить у них, ваше высокоблагородие.

Подполковник поворачивается к Савельичу.

– Младший унтер-офицер?

– Никак нет, ваше высокобродь, – тянется тот перед высоким начальством, – не нашли.

Господин штабс-ротмистр уж больно хорошо замаскировался.

Подполковник поворачивается к Элихманову.

– Что скажете, ротмистр? Ваш подчинённый.

Тот украдкой показывает мне кулак.

– Хоть занятие и не было согласовано со мной, но, думаю, инициатива штабс-ротмистра любопытна. Хотя и требует более всесторонней проверки во взаимодействии с другими подразделениями, с более традиционной тактикой.

Подполковник соскакивает с коня, подходит ко мне. Как положено, ем начальство глазами.

Он внимательно рассматривает рыбацью сеть с нашитыми ленточками. Задумчиво крутит ус. Все ждут высокого начальственного решения.

– Двух дней хватит на подготовку? Дал бы больше, да противник не даёт. Пока на фронте затишье, но это ненадолго.

Два дня? Не смешите мои тапочки.

– Хватит, господин подполковник.

А что, возможны варианты? Что-то мне подсказывает, что нет.

– Добро. – Подполковник поворачивается к Элихманову и Вержбицкому. – Можете заключать пари, господа.

Я потом расспросил Скоробута про подполковника. Командир у нас непростой – принц Персии. Али Кули Мирза из персидского шахского рода Каджаров. Его отец побывал и губернатором Тегерана, и управителем Южного Азербайджана, из-за дворцовых интриг в тысяча восемьсот пятьдесят первом году бежал в Россию, был благосклонно принят царским правительством и с большой семьёй поселился в Шуше. Шестнадцать жён, больше шестидесяти детей – что ещё нужно, чтобы встретить старость?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.